Тим 4-4/151

№ 56 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

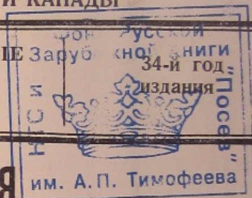
ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

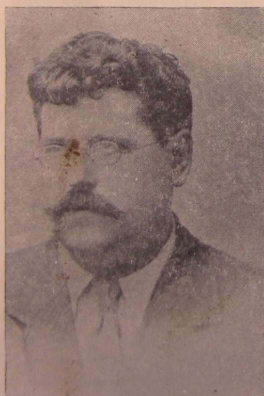
ИЮНЬ
1958 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

34-й год издания

ПРОБЛЕМЫ ДНЯ

РУДОЛЬФ РОКЕР

25 марта с. г. Р. Рокеру исполнилось 85 лет. Редакция и читатели "ДТП" поздравляют т. Рокера с этим редким явлением в жизни, и желают ему всего наилучшего!

Надо жить! Вот они, роковые слова!
Вот она, роковая задача!
Кто над ней не трудился, тоскуя и плача,
Чья над ней не ломилась от дум голова?

С. Я. НАДСОН

Несмотря на головокружительные достижения в области техники, люди до сих пор продолжают биться над той же первоначальной задачей, над которой бились наши отдаленные предки, не только неимевшие представления о спутниках, но даже незнавшие, что такое металлический топор.

Задача эта — как прожить свой век? К сожалению, это не шутка, а горькая действительность.

Многие ли из нас, положа руку на сердце, могут сказать: "Наконец то мы достигли возможности жить полной, свободной, разумной и здоровой жизнью?" Очень немногие; возможно даже — никто.

Проблемы жизни наших предков не выходили за пределы экономики. Если была пища и был кров, то жизнь казалась полной и счастливой. Большего не нужно было. Наполнить желудок и удовлетворить половые потребности, — это все, что нужно было нашему отдаленному предку. (Низшие существа и сейчас живут такой жизнью.)

Надо сказать, что экономические и биологические проблемы все еще не утратили ни своей остроты, ни своей важности. Но все же они уже не единственные проблемы. У современного человека есть и другие задачи: политические, идеологические, юридические, расовые, классовые, национальные, этические, эстетические и т. д. Ни одна из этих задач не разрешенна как следует. Но даже если бы и удалось одну из них разрешить благополучно, то в конечном счете это большого значения не имело бы, ибо... одна птичка весны не делает.

Как ни парадоксально, но человек, подвигаясь по лестнице прогресса, очутился в некоторых отношениях не на верхних, а на нижних ступенях этой лестницы. Вот, к примеру, свобода, независимость, самостоятельность и т. п. понятия... Во всех этих случаях человек стоит ниже отставших от него в эволюционном развитии существ. В среде низших существ никто не приказывает другому, как жить, что делать и т. д. Люди же в большинстве случаев живут и действуют по указу других. Подавляющее большинство населения земного шара не является хозяином свого положения. Не только те, у кого, по образному выражению Прудона, нет мха для свития гнездышка, но и те, у кого этого мха имеется в изобилии, часто находятся в зависимости от других. Сравнительно небольшая группа лиц, держащая в своих руках ключи жизни — как в политическом, так и в экономическом смысле — играет остальным населением, — мыслящими и рассудительными существами, — как пешками. Такой "игры" нигде нет. Даже там, где установилось строжайшее распределение функций и наблюдается кастовая иерархия, — например, у пчел и муравьев, — даже там нет принуждения и понукания. Только человеку, венцу творения, знакомо все это. Только "царь природы," образ и подобие Бога, носит на своих плечах другое "подобие Бога."

***

"Роковая задача" поэта "надо жить!" превратилась для современного человека в вопрос: "как жить?" Или, как выразился другой поэт: "что день грядущий мне готовит?" Уж подлинно, что день грядущий готовит — для большинства населения земного шара остается загадкой.

Если прежде некоторые ученые могли объяснять наши земные горечи тем, что на жизненном пиру не хватает всем места (теория Мальтуса), то теперь такими объяснениями, кроме скандала, ничего другого нельзя вызвать. Теперь более чем очевидно, что бедствия в области экономики происходят не от того, что на жизненном пиру не хватает всем места, а от того, что сидящие за столом не могут поглотить всех продуктов, лежащих на столе. Не от недостатка горе, а от изобилия. Как у Грибоедова: "Горе от ума." Если бы все это можно было каким-либо путем передать низшим существам, то нет сомнения, что они пришли бы в полное недоумение и никак не могли бы объяснить, почему может быть горе при обилии всего. Но человек все это как-то объясняет, или, правильнее сказать, не думают объяснять, а довольствуется сказаками про белого бычка, что, дескать, виноват президент или же партия или же большевики или же какая то другая злая сила. Часть вины, конечно, может падать как на отдельные партии, так и на отдельные лица, но в целом вина ложится на всю современную социально-экономическую систему. Система, в которой мы живем, уже себя отжила. Дошло уже до того, что жить можно (с экономической точки зрения, конечно), только тогда, когда гремят пушки и производятся страшные опустошения. Тогда, действительно, всем хватает работы и все приносят домой большую получку. Но как только разрушения (война) прекращаются — безработица тут как тут. Даже гонка вооружений уже не помогает. Только когда реками льется кровь и пылает пламя пожаров — можно... жить (в смысле работы). Если такой порядок вещей можно считать нормальным, тогда и буйно помешанного нужно считать нормальным человеком. Вот до чего мы уже докатились! Выходит, что война — нормальное и желанное явление, ибо она дает всем работу, а мирное время — бедствие, ибо нет работы. Разве это не поразительно? Разве можно до большей нелепости дойти?

Но есть ли выход из этого поистине сумасшедшего положения? К счастию, выход есть и очень простой. Нужно лишь отказаться от частной собственности и все пойдет как по маслу. И работать будут все, и всего в изобилии будет у всех. Пу-

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
Ин-29059-02

щенное на полный ход производство способно поглотить всех безработных. Может возрасти количество рабочих рук и в сельском хозяйстве, если нынешнюю правительственную политику сокращения посевной площади сдать в архив. Излишки, вместо того, чтобы лежать и портиться на складах, могут быть отправлены заграницу. В Азии, Африке и даже в Европе еще есть страны, где люди не имеют чего кушать. Американская промышленность, даже при ее теперешней механизации и автоматизации, может работать полным ходом 24 часа, но и тогда не будет излишков, если американские товары свободно польются на рынки всех стран. Так что вопрос о безработице может быть разрешен и без войны.

***

Кроме частной собственности, помехой к установлению тихой, мирной и счастливой жизни на земле являются правительства. Население всех стран, даже при его теперешнем извращенном воспитании, не желает ссориться друг с другом. Ни американцы, ни русские (понимая при этом широкие слои населения) не объявляли холодной войны и нисколько не заинтересованы в ее исходе. Тем более, никто из широких слоев населения не желает горячей войны; наоборот, всякий молит, как может, своего Бога, чтобы войны не было. К несчастью населения всех стран, во главе каждой страны стоит кучка лиц, вся деятельность которых направлена на создание разных интриг, дрязг и подвохов. Жить мирно эти лица не могут. Подобно тому, как человеку, держащему в руках плетку, хочется хлестнуть этой плеткой даже там, где не нужно, так и правителям, держащим в своих руках военную мощь, хочется пустить эту мощь в действие, или, по крайней мере, угрожать ею. И, само собой понятно, у кого эта мощь сильнее, тот больше ею бравирует. Ты только пикни, говорит обыкновенно сильное правительство более слабому, я тебе покажу... Не будь у правителей военной мощи — не было бы никаких угроз. Но без военной и полицейской мощи, пожалуй, и сами правительства не могли бы существовать.

Стало быть, для того, чтобы жизнь на земле стала настоящей жизнью, нужно, кроме отказа от собственности, отказаться и от правительства. Теоретически правительства как будто существуют для поддержания порядка, безопасности и благополучия среди населения, фактически же они создают хаос (по крайней мере в сфере международных отношений) и угрозу войны. Никто из подопекаемых этими "опекунами," отходя ко сну, не уверен, что он увидит на другой день восход солнца. От одного кивка пальцем какого-нибудь сумасброда все на земном шаре может превратиться в пепел. Пока война не носила столь разрушительного характера, правительства с их интригами представляли меньшую опасность. Но теперь, когда дело дошло до возможности бомбардировки любого пункта на земном шаре при помощи нажатия кнопки в Москве или в Вашингтоне, правительства стали самой страшной опасностью для людей. Никто и ничто не таит в себе столько опасности, сколько таят правительства. Фактически они напоминают собой детей, бегающих с зажженными факелами среди стогов соломы. Мыслимо ли, чтобы здравомыслящий человек, видя опасную возню проказников, не приложил всех усилий для того, чтобы потушить факелы прежде чем вспыхнет солома? Конечно, немыслимо. Каждый человек счел бы своей священной обязанностью предупредить опасность. А вот в отношении опасной игры правительств, никто, за весьма редким исключением, ничего не предпринимает. Кто то сказал, что если заведомую фальш выдавать постоянно за истину, то она в конце концов начнет казаться истиной. Так случилось, повидимому, и с правительствами. Несмотря на то, что в их функциях ничего положительного нет, но население думает: а как же жить без правительств? Население при этом не обращает внимания на тот факт, что низшие существа, в умственном отношении далеко отставшие от человека, прекрасно обходятся без правительств.

***

Жизнь самый лучший и самый верный экзаменатор. Без слов она подсказывает, что полезно, а что вредно. И из этих жизненных уроков видно, что ни правительства, ни оберегаемый ими социально-экономический порядок, не отвечают своему назначению. Жить становится невозможно при создавшихся условиях. Нельзя же, в самом деле, назвать жизнью то, что мы сейчас имеем. Кролик с прижатыми ушами

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

не живет, а дрожит от страха. Люди в настоящее время в большинстве случаев похожи на кроликов с прижатыми ушами. Страх носится над всеми. И страх этот создан правительствами. Не будь правительств, расщепление атома, если бы оно и было достигнуто, пошло бы на благо человеку, а не во вред. Человек использовал бы полученную энергию на созидательные цели, а не на разрушительные. Ум — ценнейший дар природы и вернейшее средство для создания благополучия на земле, направлен правительствами против человека же. Человек сам себе изобрел смерть. Может ли быть большая трагедия? Мыслимо ли, например, что бы низшие существа сами себе создали погибель? Нет, немыслимо. Самоуничтожение — не закон природы. Даже отшельники, посвящающие себя всецело служению Богу, не кончают самоубийством. Здоровые же существа все стремятся к жизни. Даже больные (физически) хотят жить. На этой почве создалась медицина и развилась целая сеть госпиталей. И вот выходит, что человек пошел против законов природы: сам себе выкопал могилу (путем создания сверхразрушительной бомбы). Конечно, это обман. Человек, как и всякое существо, против себя не идет. Могила, перед которой мы сейчас очутились, выкопана происками правительств. Не будь правительств — не было бы этой могилы. Не упасть в эту свеже вырытую могилу — первостепеннейшая задача нашего времени. Сумеет ли человечество обойти эту опасность?

Ненужность и вредность правительства доказывают сами же государственники. Если взять антибольшевистскую печать, то чуть ли не в каждой строчке можно прочесть, что сов. правительство и население России не одно и то же. В большевистской печати то же самое можно прочесть относительно американского правительства. Население Соединенных Штатов, говорят большевики, хочет мира, а правительство — войны. Характеристика, как большевиков, так и антибольшевиков, вполне правильная. Действительно, население — одно, а правительство — другое. Действительно, население, как одной, так и другой страны не желает войны, но ее желают правительства. Какой же отсюда вывод? — Отказ от правительства. Иного вывода быть не может. Если привязанный к шее камень тянет человека ко дну, то человек, если еще есть возможность, в первую очередь постарается перерезать веревку и освободиться от этого камня. Нужно и человечеству освободиться от того, что тянет его ко дну.

Население не желает войны, — это признают сами государственники, — значит, если не будет правительств, не будет войны. Вполне ясно. Население, несмотря на высокий жизненный уровень, еще не имеет всего вдоволь. Многие еще во многом нуждаются. Значит, если не будет частной собственности — не будет излишков, а как результат этого — не будет безработицы. Тоже ясно.

Собственно говоря, для того, чтобы население земного шара дошло до того состояния, в каком находился крыловский Фока (“Демьянова уха”) — людям нужно еще много, много и весьма упорно поработать. Нужда среди населения еще очень велика. Есть еще где разгуляться нескольким поколениям для того, чтобы преодолеть эту нужду. Можно еще миханизировать и механизировать производство — излишков не будет. А если и будут — тоже не беда: человеческий ум начнет работать в другом направлении.

**
*

...Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе...

А. С ПУШКИН

Это уже относится к каждому человеку в отдельности. Иди свободною дорогой, куда влечет тебя твой свободный ум. Иди и усовершенствуй то, что уже достигнуто. Не останавливайся, ибо остановка смерти подобна. Вперед и вперед... Но наград за свой подвиг не требуй. Ты награжден уже тем, что природа одарила тебя возможностью создавать подвиг. Природа ничего не требует от тебя за дарованное тебе, не требуй и ты за расточаемость природных дарований. Дар есть дар; он не должен быть оплачиваем. Твори и наслаждайся в процессе свого творчества.

Если бы люди вняли этому совету Пушкина, на земле не было бы невзгод.

Автономов

ОБЕЩАНИЯ ХРУЩЕВА

По восшествии на престол Хрущев, как и следовало ожидать, произнес тронную речь, в которой изложил все то, чем он намерен "облагодетельствовать" население страны за оказанную ему высокую честь — возведение на должность главы правительства. (В сущности никто Хрущева премьером не назначал и не избирал. Он сам себя назначил и сам себя избрал на эту должность.) Новый диктатор обещает не пожалеть ни сил, ни здоровья для того, чтобы догнать и перегнать Америку. (В настоящее время догонять Америку — не Бог весть какой подвиг, ибо темпы производства в Америке, вследствие заминки, идут черепашьим шагом.) Даже коровьего навоза, по словам Хрущева, за время его царствования в СССР окажется гораздо больше, чем в буржуазных странах. Что же касается пищевых продуктов и других необходимых бытовых вещей, то их по мановению волшебного жезла Хрущева вскорости окажется так много, что гражданину СССР достаточно будет поработать 3-4 часа в день для того, чтобы иметь все необходимое в жизни. (Здесь Хрущев применил излюбленный большевиками прием: — заимствование чужих лозунгов. Короткий рабочий день — лозунг синдикалистов и анархистов, а не большевиков.) Избыток досуга даст возможность всем учиться, развлекаться и, вообще, наслаждаться жизнью под райскими кущами.

Надо сказать, что эти молочные реки в кисельных берегах — старая песня большевиков. Свыше сорока лет они обещают и обещают, а воз и ныне там... Но даже если предположить, что обещания Хрущева сбудутся, — что же из этого? Если опуститься до уровня животного, живущего исключительно ради наполнения желудка, то посулы Хрущева, быть может, и имеют какое-то значение. Но ведь человек — не животное. Хотя без хлеба никто не может жить, но и "хлебом единым" настоящий человек жить не может. Материальные блага имеют свою ценность лишь тогда, когда человек чувствует, что он, действительно, — человек. А такое чувство может быть только тогда, когда человек свободен. Без свободы никакие материальные улучшения или сокращение рабочего дня не могут удовлетворить подлинного человека. В условиях же, созданных Хрущевым, свободы нет. Там можно быть кем угодно, только не человеком. Можно быть подхалимом, лебезящим перед сильными, можно быть клоуном, успешно выполняющим свою "программу," можно быть фанатиком, из-за шор ничего невидящим и незнающим, можно быть придавленным, пришибленным существом (таких большинство), но свободным и гордым человеком, так громко когда-то возвещенным Горьким, — там быть нельзя.

Козырем в руках большевиков в данном случае обычно является утверждение, что свободы в СССР нет только "врагам народа" — помещикам, банкирам, фабрикантам и, вообще, разным эксплоататорам, — трудовое же население там, дескать, пользуется полной свободой. Если бы это было так, если бы трудовое население там, действительно, являлось хозяином положения и пользовалось полной свободой, то нет сомнения, что книжный рынок СССР был бы завален литературой по рабочему вопросу. Были бы там не только книги К. Маркса и Ленина, но и Кропоткина, Прудона и других теоретиков; были бы там разные газеты и журналы, в том числе и "Дело Труда-Пробуждение." Тот факт, что трудовое население СССР не может выписывать и читать "ДТП" — наглядное доказательство, что свободы трудящимся в СССР нет. "ДТП" ведь не буржуазный и не контр-революционный журнал; на его страницах не восхваляются ни Волл Стрит, ни поджигатели войны, ни империалисты. Издается он трудящимися, в интересах трудящихся. Почему же ему закрыт доступ в СССР, в "царство трудящихся"? Оказывается, что в СССР нет даже той свободы, которая существует в некоторых буржуазных странах, ибо в эти страны открыт доступ, как для "ДТП," так и для большевистских печатных органов.

Хрущеву, несомненно, известно, что есть люди, для которых свобода дороже материальных благ. И если он начало своего царствования хочет ознаменовать чем-то выдающимся, то и следовало бы начинать с предоставления населению свободы. Дать свободу гораздо легче, чем материальные

блага. Последние — прежде чем даровать — нужно производить, создавать. Для того, чтобы было много хлеба, его нужно сначала вырастить. Для того, чтобы иметь много разных предметов, их нужно произвести на фабриках и заводах. Свободу же не нужно ни выращивать, ни производить. Она уже готова. Нужно лишь снять те путы, которые мешают свободе — и дело кончено. Америка осталась бы позади на несколько столетий. Даже если бы в СССР было меньше хлеба и других предметов, то и тогда СССР был бы впереди Америки, ибо "бедность не порок."

Но Хрущев эту сторону вопроса обходит молчанием. Он говорит об увеличении материальных благ (тоже—Улита едет...), но ничего не говорит об увеличении свободы. Свободу он оставляет только для себя, а для других предвещает "сытый хлев." Едва ли в этом идеал человечества. Люди хотят жить на свободе, а не в "сытом хлеве."

Н.Н.

ЭПОХА СТРАХА

В азарте вооруженного соревнования и в чехарде атомных и водородных опытов, правительства почти всех стран вынуждены выступать с предложениями о "вечном мире," о "разоружении." Эти заявления и предложения исходят из того факта, что народы всех стран живут под вечным страхом новой войны, новой и на этот раз, действительно, мировой катастрофы. Люди опутаны густой сетью паука-государства, того государства — Левиафана, о котором мечтал еще в 17 веке Гоббс. По мысли Гоббса "для блага" человечества необходима абсолютная власть государства. Безразлично, кем оно возглавляется, королем или законодательным собранием, но власть должна быть всеобъемлющей, и постановления ее не должны подлежать никакой апелляции...

И эта теория о насилии, английского философа, жившего в 17 веке, почти полностью осуществилась в наши дни.

> "Недопустимо искать покровительства Бога или совести, — писал Гоббс, — церковь должна быть слугой государства, власть которого не только не ограничена, но и постоянна. Государству принадлежит контроль над общественным мнением, потому что умы народных масс подобны чистой бумаге, готовой принять все, что государственной власти будет угодно на ней напечатать. Абстрактной справедливости не существует, нравственность, с точки зрения государства, состоит в том, чтобы делать то, что сообразно с его целями."

В этих словах — прообраз тоталитарного государства. "Левиафан" даже не касается вопроса о поддержании мира между государствами, более того, Гоббс приветствует войны, как полезный способ сокращать численность населения.

> "Когда земля перегружена населением, — писал Гоббс, — последним средством является война..."
>
> "Государство должно быть зверским, потому что сам человек есть дикое животное, годное для подчинения и рабства..."

Постепенно и медленно это "зверское государство" подходило к своей цели . . . Несмотря на мимолетные просветы в истории человечества, когда на какой то период наступало время свободы, государство-власть неуклонно шло к победе. Даже великая французская революция, на ряду с раскрепощением народа от пут монархии и феодального гнета, сорвалась в пропасть "Левиафана," провозгласив сильную централизованную власть республики.

19 век, на ряду с пробуждением народа к свободе, на ряду с течением гуманизма, демократических идей, выдвинул ряд политиков и философов, которые продолжали дело Гоббса, например, Фихте, Карл Маркс и другие. Законодательные народные собрания, демократические конституции, ответственное министерство, разделение власти, — не улучшили положения народов, петля государства все туже затягивалась на их шее.

Сейчас мы присутствуем почти при полном торжестве государства — власти. Государственной властью опутана вся жизнь человека с самого рождения. Мы не говорим уже о том, как непосильны налоги, не говорим о паразитизме — бюрократии, о вооружении и проч. Нет, государство властно проникло в самую интимную и духовную жизнь человека... Достаточно упомянуть государственные школы и организации, где детей учать доносить на своих

родителей, учат быть доносчиками, сексотами и предателями... Духовная жизнь человека под контролем государства, ибо все христианские церкви покорно впряглись в колесницу государства и поддерживают эту власть "зверского государства..." Если еще существует относительная свобода в некоторых странах, то СССР почти полностью осуществил идеал "Левиафана." По этому пути идут более-менее удачные диктаторы, вроде Франко. На этом пути сломали себе шею менее удачные — Гитлер и Муссолини.

Каждый день человек ожидает новых распоряжений, новых законов, декретов, которые все более его подчиняют государству-власти.

Прошло то короткое время либеральной эпохи, когда государство рассматривалось, как "ночной сторож..." Сейчас государство полновластный хозяин жизни и смерти человека.

Но "опекая," контролируя всю жизнь человека, государство в тайниках своих кабинетов, в секретных комитетах технократии — подготовляет новую войну, ибо "Левиафаны" одержимы соперничеством и идеей о мировом господстве.

Под воздействием государства-власти, человечество живет под гнетом страха. Этот страх сковывает всякую свободную мысль, распыляет волю к борьбе за освобождение от современного чудовища — государства.

Слабые и иногда робкие голоса о свободе, о контроле над властью государства, тонут в мощном и диком хоре сторонников "сильной власти," которые оперируют и патриотизмом, и национализмом, и евангелием...

Все новые и новые технические достижения, спутники, межконтинентальные снаряды, проекты о полетах в межпланетное пространство, — заглушают и заслоняют слезы матерей, закрывают ужас, появляющийся в глазах человечества при одной лишь мысли о последствиях "новых открытий..." Наша берет — вот лейтмотив всевозможных барабанщиков и трубадуров, густым роем вьющихся вокруг "сильной власти..."

И приготовляясь к смертельной схватке, правители государств, "пока" вынуждены соблюдать миролюбие, созывать конференции, "встречаться на высшем уровне" и т.д.

Объятия спрута-государства естественно рождают протест, человечество стряхивает с себя преклонение перед государством, рождаются новые, но вечно-старые мысли о безвластии, об уничтожении государства, о всемирном человеческом братстве на основе свободы для человека...

И если будут необходимы какие то организованные формы человеческого общежития, то эти формы должны быть для человека, но не он для них...

Мих. Фомичев

АНАРХИЧЕСКИЙ МАРШ

(На мотив марша парижских коммунаров)

Наш могуч идеал.
Сам Бакунин сказал:
Анархизм обоснован научно.
Пролетарий всех стран,
Разогни ты свой стан, —
Грянем марш анархический звучно.
Припев. 2 раза:
    Никогда, никогда,
    По суду-ль, без суда,
    Анархисты не будут рабами.
Государство и власть,
Словно львиная пасть,
Несет смерть для народной свободы.
Анархический строй
Несет счастье собой
И защиту от бурь-непогоды.
    Никогда, никогда...
Создан мир не для мук,
А для творческих рук, —
Строить жизнь на основах научных.
На житейском пути
Будем с песней идти, —
Вместе, дружно, всегда неразлучно.
    Никогда, никогда...
В добровольном труде,
На земле, на воде,
В рудниках, на полях, на заводах —
Обретем радость мы.
Без царей, без тюрьмы,
Жизнь польется, как пир в хороводах.
    Никогда, никогда...
Разум — выше всего,
Благо всем от него,
Совесть, истина — наша основа.
А наука для всех, —
Наша мощь, наш доспех,
И не быть на земле рабству снова.
    Никогда, никогда...
Наш могуч идеал.
Нам Бакунин сказал:
Анархизм обоснован научно.
Пролетарий всех стран,
Разогни же ты стан, —
Анархический марш грянем звучно.
    Никогда, никогда...

А. Черняков

ИДЕАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Оставляя в стороне различные "философские" определения, противоречивые, туманные и мало убедительные, скажем просто: идеал — это то, чего мы желаем, действительность — то, что существует.

Одной из наиболее характерных особенностей человеческой психологии является постоянное недовольство существующим, стремление к лучшему, к более совершенному, надежда достигнуть большей свободы, мощи и красоты. Тот, кто полагает, что "все прекрасно в этом лучшем из миров," что ничто не должно и не может изменяться, кто без борьбы, без протеста, без порыва возмущения примиряется хладнокровно с создавшимся в силу обстоятельств положением — тот недостоин называться человеком. Ибо он живет пассивной, чисто растительной жизнью— если можно так выразиться, не оклеветав ни в чем неповинных растений.

С другой стороны, однако, нам далеко не всегда представляется возможность действовать так, как мы бы того желали — ибо помимо беспощадных законов внешней природы, нас связывают еще окружающие условия, которые добром или силой принуждают нас разделить жребий всего человеческого рода. Необходимо, таким образом, сохраняя стремление к идеалу, в действиях своих применяться к возможностям и средствам.

Тот, кто мирится со всем существующим, представляет собой, как мы уже сказали, весьма жалкое существо, которое в известном смысле можно было бы уподобить растению. Тот же, кто, в противоположность этому, воображает, будто он может делать все, что ему заблагорассудится, не считаясь ни с волей других, ни с теми средствами, какие необходимы для осуществления его цели, ни с обстоятельствами, при которых он действует — является попросту мечтателем, фантазером, обреченным на роль вечной жертвы, и не подвинет ни на шаг дорогое ему дело.

Таким образом для нас, анархистов, — своей целью поставивших возможно лучшее служение идее, — считающих, что анархия — это не "греза, лелеемая при лунном свете," но известная форма индивидуальной и социальной жизни, осуществление которой принесет с собой наибольшее общее благо — для нас существо проблемы заключается в том, чтобы, сообразуясь в своих действиях с создавшейся исторически обстановкой, достигнуть максимальных полезных результатов.

Нужно не игнорировать реальность, а напротив: — если она плоха — нужно побивать ее "ее же оружием," пользуясь теми средствами, какие она нам предоставляет.

Весь тот гнет, все бедствия, все преступления, ненависть и рознь, которые разъединяют и принижают человечество — все это, без сомнения, слишком реально.

Следует ли, однако, принять все это и подчиниться всему безусловно, ибо такова историческая ситуация, предопределенная и созревавшая веками?

Вся история человекеского прогресса являет собой непрерывную борьбу против реальностей естественных и социальных. И нас, в свою очередь, поскольку мы стремимся к наибольшему прогрессу, к наибольшему общему благосостоянию, осаждает со всех сторон, подавляет эта враждебная реальность, с которой нам приходится ожесточенно бороться. Но чтобы преодолеть ее, мы должны ее знать и с ней считаться.

Торжество анархии — или, по крайней мере, известный шаг вперед на пути к этому торжеству — возможен лишь в том случае, если мы будем представлять себе ее не только как бесконечно-далекий, освещающий и манящий идеал, но и как нечто достижимое, осуществимое не по истечении веков, а в сравнительно короткое время, и притом без вмешательства какого-либо социального "чуда."

От сего времени мы — анархисты — уделяем очень много внимания идеалу. Мы критиковали все заблуждения, все ошибочные, ложные идеи, все социальные институты, которые разлагают и угнетают человечество; мы описывали как только могли поэтически и красноречиво это вожделенное гармоническое общество, покоящееся на доброте и любви — но нужно сознаться, что мы очень мало задумывались над вопросом о тех путях, которые могли бы привести нас к осуществлению этого

прекрасного идеала.

Признав необходимость революционного — или, вернее, бунтарского движения, которое должно сокрушить материальные препятствия, т. е. политическую власть и концентрацию орудий производства, противостоящие нашей пропаганде и проведению наших начинаний — мы пришли к заключению, что все остальное "приложится," "образуется" и уладится само собой, без заранее предначертанного плана, естественно и непроизвольно. На самые серьезные возражения мы отвечали абстрактными формулами, с оптимизмом, который противоречил как актуальным, так и предусматриваемым в будущем фактам. В общем мы разрешили все вопросы исходя из того совершенно беспочвенного предположения, что вся и все пожелают именно того, чего желаем и мы, и все устроится в точности согласно этим желаниям.

Всякое правительство — зло. Прекрасно! — "Мы уничтожим все правительства и не допустим учреждения новых!" — Но каким образом, с помощью каких сил? — "Об этом позаботится народ или пролетариат!" — А если он не позаботится об этом?..

— "Каждый поступит так, как найдет нужным..." Но если эти "каждые," образующие в массе своей толпу, пожелают как раз обратное тому, к чему мы стремимся, если они станут послушным орудием в руках тирана, который воспользуется ими против нас?

Что если крестьяне откажутся доставлять продовольствие в города? — "Крестьяне не так глупы, они поспешат вывести свои запасы на городские рынки, чтобы получить взамен необходимые им предметы... — или обещание этих предметов, которые должны быть еще предварительно произведены в весьма неопределенном и гадательном будущем."

Что если массы не пожелают работать? — "Труд есть наслаждение, и никто не захочет лишить себя этого удовольствия."

Что будет, наконец, если найдутся преступники, которые посягнут на свободу и жизнь своих ближних? — "Преступников больше не будет!"

И так далее; на все вопросы мы отвечали совершенно голословными утверждениями и отрицаниями, мы отвергали вероятность всего дурного, и были уверены, вместе с тем, что все хорошее должно неизбежно осуществиться.

Некоторые энтузиасты, предвосхищая, в пылу увлечения, на несколько веков те результаты, каких можно ожидать от систематического социального воспитания, отбора и совершенствования лучших элементов, полагают даже, что в первый же день после победоносного восстания все человечество окажется состоящим исключительно из интеллигентных, добрых, сильных и прекрасных людей.

В действительности мы все время вращаемся в так называемом "порочном кругу." В то время, как с одной стороны мы утверждаем, что моральное раскрепощение масс невозможно, покуда сохраняются настоящие условия политического и экономического рабства, с другой стороны мы предполагаем, что события разовьются в таком направлении, как если бы эти самые массы в большинстве своем состояли из вполне сознательных и высоко развитых индивидов, оберегающих ревностно собственную свободу, и чтущих в такой же степени свободу других. Заявляя вполне справедливо, что анархия, как воплощение свободы, не может быть навязана обществу силой — что было бы абсурдом — мы не позаботились, вместе с тем, принять свои меры к тому, чтобы другие не могли навязывать нам своей воли. Чего нам недостает в общем — это практически приложимой программы, того "завтра," которое последует за победоносным восстанием. Не насилуя ничьей свободы, эта программа должна давать нам возможность осуществить, или приступить к осуществлению наших идей; силой доброго примера и очевидным превосходством наших методов она должна привлечь к нам широкие массы.

К выработке этой практической, непосредственно приложимой, программы призываем мы наших друзей.

Энрико Малатеста

БУДЬ САМ СОБОЙ!

Анархизм победит, ибо его идеи свободы, вместе с растущим духом мятежа, приходят, прежде всего, к рядовому человеку, рабу материальных условий, и внушают ему, что и он также должен иметь независимую волю и возможность свобод-

ного приложения ее. Никакая философия, никакое достижение и никакая цивилизация не имеют значения, если они не означают, что рядовой человек получит возможность работать где он хочет и над чем он хочет. Анархизм внушает рядовому человеку, что он будет свободно получать долю того, что другие люди будут по своему выбору и желанию производить, и что он, труженик веков, станет краеугольным камнем здания, — тем камнем, без которого ни одно строение не может быть прочным.

Анархизм приходит к нему, боящемуся самого себя, и говорит: "Перестань бояться чего бы то ни было внутри или вне тебя. Глубоко и свободно исследуй самого себя. Прислушайся к голосам, поднимающимся из бездны, которых тебе повелевали бояться. Сам изучи, что говорят эти голоса. Научись самому устанавливать для себя ограничения. Сам оцени по достоинству эгоизм и безкорыстие, сам сделай вывод. Если выберешь эгоизм, то сам будешь делать других рабами, а если безкорыстие, то этим позволишь тиранам властвовать над тобой. Никто не может решить этот вопрос для себя так хорошо, как ты сам. Ибо, даже заблуждаясь, ты учишься, а если другой заблуждается, то вина падает на него; а если другой посоветует хорошо, то это будет его заслуга, а ты будешь ничем. Будь сам собой и путем самоутверждения учись самоограничению. Мудрость веков заключается в повторном утверждении всех положительных достижений прошлого и в отрицании всех отрицаний. Другими словами, все, чего требовала для себя личность, хорошо, а всякое отрицание свободы другого — плохо. Отсюда видно, что многое, чего мы требуем для себя, связано со свободою других, и от многого следует отказаться, потому что многое не вмещается в пределы нащего полноправия, тогда как многое, что считается злом, на самом деле хорощо, ибо не посягает на чужую свободу. Оно хорошо, ибо согбенным телам и узким душам дает силу и полноту здоровья, дает сияние жизни, потускневшей, как лампа в могильном склепе.

Сибариту анархизм говорит: "Научись выполнять твою долю тяжкого труда. Ты от этого выиграешь. Размышляй самостоятельно и не жалей на это времени. Разделение труда, которое из одного человека делает Мозг, а из другого Руки, — зло. Долой его.

Таков этический завет анархизма, к которому вели три века интеллектуального развития.

Вольтерина де Клэйр

Искушение в Пустыне

Пророчески в дали гляжу я и вижу далеко,
За тысячи тысяч окутанных тьмою веков.
Но кто на Рассвете услышит призыв одинокий?
Кто, дерзкий, уверует в тайну пророческих снов?
И так суждено мне в Печальной Безвластной Пустыне
Изжить свою жизнь в одиночестве и умереть.
А дьявол холодный людской-ненасытной гордыни
В лицо мое будет с усмешкою злобной смотреть.
Рой призраков счастья, кружась в ослепительной пляске,
Промчится, как вихрь, увлекая меня за собой,
И Сфинксова Тайна предстанет в сверкающей маске,
Пугая загадкой, дразня неземной красотой.
Пройдут предо мною усталых людей караваны,
И люди, глумясь, мне укажут рукой на восток.
Мы к Власти стремимся, рожденные богом Титаны!
Ты богу враждебен, ты любишь свободу, пророк.
Красивые девушки, жены и малые дети
Войдут в мой шатер, оживленный ведя разговор,
И станут плести из улыбок воздушные сети,
И станут, играя, лоеить мой испуганный взор.
Всю ночь проведу я в ужасном греховном томленьи,
В борьбе непосильной с безжалостной страстью земной;
Кинжалом отравленным в сердце вонзится сомненье
И призрачным станет Пустыни Безвластной покой.
И вновь, словно пламенем, грудь загорится желаньем
Изведать могущество власти и славу узнать,
И вновь захочу я пылающий камень страданья
В бездушное небо рукой дерзновенной бросать.
Когда же, с зарею, уйдут на восток караваны,
И я, обессиленный, с плачем на землю паду,
Богиня Свободы с Возлюбленным Сыном Вальяном *
Придут успокоить смятенного сердца тоску.
Богиня Свободы своей белоснежной рукою
Сожженную пламенем грудь мою станет ласкать;
Вальян совершенный беседовать будет со мною,
Святыми словами он станет меня утешать.
Тогда поднимусь я, исполненный мощи и силы,
И гимн лучезарный великой Надежды спою...
"Учитель! Я жажду, что-б Воля желанье убила,
Что-б Мысль о Свободе очистила душу мою."

Анатоль Консе

* Думается, что имя Мари-Эдуарда Вальяна приведено автором просто для рифмы. Не верится, чтобы анархист мог считать своим вдохновителем члена французского парламента.—РЕД.

УЧЕНИЕ КРОПОТКИНА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

(Экономика)

Экономическая сторона учения Кропоткина может быть сведена, в общих чертах, к следующему: 1) децентрализация производства, 2) сочетание земледелия с промышленностью, 3) сочетание умственного труда с ручным и 4) довольство для всех.

Начнем с последнего.

Когда Кропоткин писал свою книгу "Поля, фабрики и мастерские" политическая экономия находилась под влиянием теории Мальтуса, из которой делались самые мрачные выводы. Мальтус, как известно, каким то путем подсчитал, что прирост народного богатства идет арифметическим порядком, а прирост неселения — геометрическим. Отсюда: будущее человечества— весьма и весьма печально. Люди съедят все; ничего не останется; смерть начнет косить направо и налево... Чтобы избежать этой социальной Сахары, "законно" и "морально" пускать в ход все предохранительные средства, начиная от абортов и кончая ликвидированием "лишних ртов."

Если будущее, по теории Мальтуса, — ужас, то, само собой понятно, не лучше и настоящее. Все существующие недостатки и минусы теория Мальтуса оправдывает. Жизнь людей обычно изображается в таком виде: стоит стол, установленный яствами, но места за столом не хватает всем собравшимся; лишь немногие восседают и наслаждаются вкусной пищей, остальные же должны питаться крохами, падающими со стола. Подпись под иллюстрацией гласит: "Не хватает всем места на жизненном пиру."

Кропоткин решительно восстал против этой якобы научной теории. Прежде всего, замечает Кропоткин, жизнь не разгульная пирушка. Она может представляться таковой лишь представителям буржуазии, действительно ничем другим не занимающимся, кроме удовлетворения плотских прихотей. Настоящая же жизнь заключается в творчестве, в исканиях, в открытии чего-то нового, до этого не существовавшего. Человек приходит в мир не для того только, чтобы уничтожать (поглощать) имеющиеся в запасе средства (пищевые продукты), но и для того — главным образом для этого — чтобы творить, улучшать уже имеющееся и создавать новое. Творчество же ведет не к голоду, а к изобилию.

Действительность подтверждает все это. Из опыта мы видим, что в тех странах, где знание проникло в народные толщи и где есть возможность творить, — теория Мальтуса опрокинута вверх дном. В Соединенных Штатах, например, приходится ломать голову не над тем, где и как добыть необходимые для существования продукты, а над тем, куда девать излишки. А ведь потребляемость в США — размашистая. Ни в одной стране предметы не поглощаются в таком больщом количестве. И тем не менее, перепроизводство — чуть-ли не хроническое явление в этой стране. Это значит, что при более-менее налаженном функционировании хозяйственного аппарата, производство обгоняет потребление. Правда, в наше время, в силу известных причин, вытекающих из частно-капиталистической системы, потребление не может быть развернуто полностью, но и производство, в силу тех же причин, встречает зажимы, даже искусственные. Особенно заметно это в области сельского хозяйства, где правительство всячески поощряет сокращение посевной площади. На сельское хозяйство следует обратить особое внимание, ибо отсюда главным образом и исходит теория Мальтуса.

Движение населения в США идет почти в том же направлении, в каком оно идет в других странах: городское население увеличивается, а деревенское уменьшается. Едва ли будет большим преувеличением если сказать, что на каждые 20 чел. лишь один фактически занимается сельским хозяйством. Сельское население в настоящее время весьма незначительное. Стало быть, один фермер может прокормить 20 человек и в довершение к этому заполнить склады излишками. В промышленности эти "ножницы" раздвинуты еще шире. То, что один рабочий произведет в течение года, равняется спросу 100 человек. (Количество рубашек или перчаток, например.)

Мальтус, узлагая свою теорию, очевидно не принял во внимание одного весьма

важного фактора — интеллектуальных способностей человека. Он уподобил венца творения низшему существу, питающемуся исключительно готовыми дарами природы. Если бы это было так, если бы люди жили только за счет того, что посылает в готовом виде природа, тогда действительно человечеству, если не всему, то значительной части, грозила бы гибель, и не только от голода, но и от многих других причин, — от хищных зверей, например. Если отнять у человека ум и предоставить его исключительно мускулам, то даже с таким сравнительно небольшим зверем, как волк, человек не может справиться. О более крупных хищниках и говорить нечего. К счастию, природа не обидела человека: не наградив большими клыками, она наградила его большим умом. (Правильнее сказать: способностью умственного развития.) Конечно, интеллектуальные способности человека в их так сказать естественном виде — еще не все. Ум без приобретаемых знаний — сила мертвая, потенциальная. Больше того: ум в сочетании со знанием, но без надлежащих условий для проявления этих знаний, тоже хотя и не мертвая сила, но по своему практическому значению не превышающая света, исходящего от зажженного и накрытого колпаком факела. Как факел под накрытием хотя и горит, но не светит, так и знание, зажатое в тиски, не дает желанных результатов. Для полного размаха интеллектуальных способностей необходимы условия, гарантирующие всем и каждому не только возможность приобретения знаний, но и возможность их применения. Таких условий еще нигде нет. Во всем мире не найдется уголка, где бы каждый человек имел одинаковый доступ как к приобретению знаний, так и к их осуществлению. Лишь частично в некоторых странах этот желательный порядок осуществлен. Но где он осуществлен — хотя бы в самом начальном виде — там достаточно примеров, свидетельствующих, что довольство для всех — не мечта, не утопия, а реальность. Люди уже — даже при существующем социально-экономическом неравенстве — способны производить продукты в таком количестве, что их вполне хватает для безбедного существования.

Даже ссылки на Индию, Китай и др. густо населенные азиатские страны, где смерть от голода все еще "обычное явление" (сторонники Мальтуса непременно указывают на эти страны) — не могут поколебать доводов в пользу возможности всеобщего довольства, ибо то, что наблюдается в Китае, Индии и других перенаселенных странах—результат социальных, а не природных условий. Если лишить крестьянина земли (говорится это к примеру) или рабочего работы — естественно им будет угрожать смерть от голода, но законы природы тут не при чем. Природа не создает ни безземелья, ни безработицы. Создается это социальными порядками, а не природой. Положение значительной части населения "отсталых" стран почти ничем не отличается от положения безземельного крестьянина или безработного рабочего: то же отсутствие работы или земли. Таким образом, если и возможны некоторые выводы из бедственного положения населения азиатских стран, то отнюдь не в пользу мальтузианства, а в пользу проведения надлежащих социальных реформ.

Доводы Кропоткина в защиту довольства для всех, конечно, базируются на многочисленных наблюдениях над действительностью. Кропоткин предпринимал иногда продолжительные поездки; посещал многие места — как промышленные так и земледельческие — и видел, что при надлежащей постановке производства могут создаваться настоящее чудеса. (Кропоткин во многих местах своих трудов подробно описывает каких успехов могут достичь крестьяне путем улучшения породы хлебных злаков.) Но к этим же выводам Кропоткин неизбежно пришел бы даже если бы он никуда не выходил из своего кабинета. Довольство для всех — лишь один из отблесков яркого и ясного, как солнце, мировоззрения Кропоткина. На жизнь Кропоткин смотрел не как на юдоль страданий и не как на выматывание кишек (последнее утверждает новый "толкователь" Кропоткина, некто Касьян Прошин), а как на величайшее счастье. А где счастье — там должно светить солнце и благоухать розы. Все — а наука в особенности — должно укреплять и расширять это счастье. Задача политической экономии, по мнению Кропоткина, — указы-

вать, **что и как** производить с расчетом, конечно, чтобы производство способствовало достижению наивысшего счастья всем, а не отдельным личностьям.

Нечего и говорить, что было бы наивно ожидать от современных верховодителей выполнения советов Кропоткина. Но жизнь складывается так, что многое из того, что говорил Кропоткин, как то само собой осуществляется. Основой современного приозводства, как известно, является прибыль, но прибыль определяется интенсивностью, а интенсивность ведет к излишкам, а излишки — к отрицанию теории Мальтуса и подтверждению доводов Кропоткина. Таким образом, буржуазия уподобляется герою, сидящему на суку и подрезающему этот сук. Она, как никто, отстаивала теорию Мальтуса, но она же ее и опровергает (не намеренно, конечно).

Подтверждается еще одно положение Кропоткина: непродолжительность времени, нужного для производства необходимых жизненных предметов. Когда Кропоткин утверждал, что человеку достаточно поработать четыре часа в день для того, чтобы иметь все необходимое для более-менее безбедного существования, то к этому относились скептически даже некоторые передовые люди. Теперь же это звучит чуть ли не анахронизмом. В некоторых отраслях производства технические усовершенствования доведены до такой степени, что труд человека совершенно исключается. Правда, человечество в целом от этого получает не улучшение, а ухудшение (кадры безработных), но это происходит от того, что производство в наше время обслуживает интересы отдельных лиц, а не всего общества. С изменением социально-экономических отношений этого не будет. Понятие о безработице тогда отойдет в область преданий и на обилие продуктов на рынке будут смотреть как на благо, а не как на наказание.

Автоматизация производства знаменует собой много изменений. Помимо свого прямого назначения — облегчения труда, она вместе с тем является важным стимулирующим фактором в интеллектуальной области. Прежде всего, изобретение машины; затем — ее конструкция, наконец — оперирование ею. Все это требует работы ума, а не мускулов. Кроме того, автоматизация индивидуализирует труд. С введением машин исчезает тот род работы, который, быть может, лучше всего выражен в картине Е. И. Репина — "Бурлаки" и который однажды был продемонстрирован духоборцами, распахивавшими после переселения в Канаду целину... женщинами. (Несколько десятков женщин впрягались в плуг и тащили его.) С введением машин надобность в такой скоповой работе совершенно отпадает. Каждый человек получает возможность работать самостоятельно, при чем вся его работа сводится к роли наблюдателя. Наблюдая за работой машин, у человека появляется возможность думать, т. е. сочетать умственный труд с ручным.

Таким образом, буржуазия своей погоней за наживой осуществляет помимо своей воли то, о чем говорил Кропоткин. Происходит и децентрализация промышленности, но опять таки не по тем мотивам, которые выдвигал Кропоткин. Для Кропоткина децентрализация должна была послужить залогом расселения больших городов, этих очагов заразных болезней, как в физическом, так и в психологическом смысле; для буржуазии же децентрализация нужна для того, чтобы избавиться от контроля юнионов и получить — в провинции или же в южных штатах — более дешевые рабочие руки. Но факт остается фактом: децентрализация промышленности в наше время вполне возможна без малейшего ущерба для производства. Раньше полагали, что это невозможно по техническим причинам (фабрика в лесу, дескать, не может располагать всеми теми оборудованиями, какими она располагает в городе). Затем, начали выдвигать доводы социального порядка: децентрализация, мол, хотя и возможна, но она нежелательна, так как распыляет рабочий класс. На этой точке зрения стояли все сторонники классовой борьбы (марксисты), в том числе и синдикалисты, берущие свое начало из "Капитала" К. Маркса. Теперь все это уже не убедительно. Техника подтвердила, что фабрика везде с одинаковым успехом может функционировать. Что же касается концентрации пролетариата, то она явно не оправдала возлагающихся на нее надежд. Рабочий класс по мере своего роста и сплочения в юнионы, оказался благодаря руководителям юнионов скорее

подспорьем, чем угрозой капитализму. Если буржуазия и старается вырваться из под опеки юнионов, то не потому, что она их боится, а потому, что высокие юнионные ставки иногда мешают азартной игре в конкуренцию. Кроме всего этого, децентрализация необходима рабочим и по гигиеническим соображениям. Здоровый дух может быть только в здоровом теле, городская же атмосфера нисколько не благоприятствует здоровому телу. Ради этого Кропоткин, главным образом, и ратовал за децентрализацию.

(Окончание следует)

Мих. Голубович

КИТАЙСКИЕ АНАРХИСТЫ В ГОМИНДАНЕ

Свержение маньчжурской династии в Китае произошло в 1912 году, после 268-летнего ее царствования (до маньчжуров Китаем владели монголы почти полтора века (1214-1360).

Как это ни парадоксально, но освобождению китайцев от деспотической власти богдыханов в значительной степени содействовало проникновение европейских империалистов в Китай. Войны с ними выявили полное бессилие богдыханов защитить страну от вторжения чужеземцев, подорвали их престиж, усилили революционное брожение.

Через европейцев китайцы пришли в соприкосновение с их культурою, политическими, революционными течениями, и затем использовали опыт европейских революции для успешного завершения китайской революции.

Вдохновитель китайского национального освобождения д-р Сунь Ят-сен (1866-1925) — продукт смешения элементов христианского учения о любви и братстве (Христа он считал революционером, врагом богачей, распятым римскими империалистами за бунт) и социализма с его учением об освобождении от капиталистического порабощения и эксплуатации, о довольстве для всех, о свободном общественном устройстве.

В основу национального освободительного движения Гоминдан легли Три Народных Принципа д-ра Сунь Ят-сена:

1. Принцип национальности (ниспровержение маньчжурской династии);

2. Принцип народного верховенства (освобождение от колониализма, народоправство);

3. Принцип жизнесуществования (наделение землею безземельных селян, социальное обеспечение и т. п.).

В общем же, д-р Сунь Ят-сен стремился к тому, чтобы "сделать всех людей счастливыми через уничтожение бедности, нужды, голода, нищеты."

"Все китайцы — неимущие, — заявляет он московскому эмиссару Бородину (Грузенбергу): класса крупных капиталистов в Китае не существует. Различие между несостоятельными людьми лишь в степени бедности тех и других. Поэтому наша наиболее настоятельная проблема — не бороться против капиталистов, а воспрепятствовать появлению их в будущем через обобществление промышленности..."

И Бородин с этим мнением соглашался: "Единственный коммунизм это — коммунизм нищеты: множество людей, едящих рис из пустого котла..." (такое же положение сохраняется в Китае и в СССР до настоящего времени)...

Д-р Сунь Ят-сен — полная противоположность Ленину: чуждый крайностей и догматизма — в социализме, коммунизме, в капитализме умел отличать "плевелы от пшеницы," осуществимое от желаемого, соблазнительное от возможного, достижимого на данном политическом этапе. Нет в Сунь Яс-сене непримиримости, нетолерантности к своим политическим, классовым противникам, нет в нем ленинской кровожадности (будь мне братом, или голову долой!). Оппозиция была и Сунь Ят-сену, но не было ленинских кровавых чисток, рубки голов инакомыслящих.

Политическая толерантность к последним изумительная: почти все окружение д-ра Сунь Ят-сена состояло из людей самых пестрых убеждений: он предпочитал осуществлять свою политику руками людей противоположных ему взглядов, но добросовестных, лойяльных Гоминдану.

Несколько зарисовок портретов анархи-

стов из окружения д-ра Сунь Ят-сена дадут представление об его ближайших советниках и сотрудниках:

Ванг Чинг-Вей (р. в 1883 г.) — многолетний друг, личный секретарь д-ра Сунь Ят-сена, человек европейски образованный, талантливый публицист. Подлинное его имя Чао-Минг, к которому было прибавлено прозвище Чинг-Вей после того, как стал редактором "Народного журнала" (Мин-Пао) в Японии. Он происходит из семьи китайского ученого. За его голову пекинским правительством богдыхана была объявлена награда в 100 тыс. дол., как одного из главных заговорщиков на жизнь принца-регента (заговор расстроился из-за неосторожности одного из заговорщиков — 50 пуд. динамита были брошены в саду дворца). Известен он также, как организатор общества "шести нет": 1. Не курить. 2. Не играть в кости. 3. Не употреблять спиртных напитков. 4 Не развратничать. 5. Не участвовать в правительстве. 6. Не брать взяток.

Этою невинною по форме организациею, напоминавшею общество трезвости, прикрывалось ее анархическое содержание (неучастие в правительстве) подобно тому, как в древние языческие времена тайные христианские общины маскировались формою похоронных бюро.

Когда у постели умиравшего вождя (д-ра Суня) заговорили о Ванг Чинг-Вей, как об его заместителе (сам д-р Сунь Ят-сен настаивал на этом), — Ванг Чинг Вей уклонился от этой чести, предложив возглавление правительства и Гоминдана комиссиею, что соответствовало его анархическим убеждениям (неучастие в правительстве).

Ванг Чинг-Вей — лидер левого большинства в Гоминдане, председатель совета и центрального исполнительного комитета с 1925 по 1927 год. Как личный секретарь д-ра Сунь Ят-сена, он является автором наиболее важных деклараций, манифестов и многих других документов, появившихся за подписью д-ра Суня. До самой смерти последнего, он уклонялся от занятия министерских должностей, сохранял верность провозглашенному им принципу "неучастия" в правительстве, хотя в годы двоевластия, как председатель совета, считался номинальным главою кантонского правительства. Втянутый в борьбу с Чианг Кай-ши, он постепенно отходил от своих прежних принципов, все глубже погружался в болото оппортунизма, пока не докатился до сотрудничества с японцами.

Это сотрудничество — темное пятно на его высокополезной деятельности в Гоминдане. Он пользовался большой популярностью в народных массах, как блестящий оратор, памфлетист, и эта сторона его деятельности, проявленная в молодые годы жертвенность, готовность умереть за идею не забудутся Китаем.

Помимо Ванг Чинг-Вея, в окружении Сунь Ят-сена играют значительную роль и другие анархисты: Ву Чи-Гуи, Цаи Юан Пей, Ли Ши-Ценг, Чанг Чинг-Чианг, Ху Хан-Мин, входившие в состав организованного Ванг Чинг-Веем общества "шести нет" (из них Ванг, Ву Чи-Гуи, Цаи Юан-Пей — участники известного заговора на жизнь принца-регента, ускользнувшие из рук полиции).

Особенно колоритна биография Ву Чи-Гуи. Он — известный ученый, китайский Кропоткин, вдохновитель интеллигенции, б. редактор анархического ежемесячного журнала "Новый Век." В возникшей 1922 году борьбе между Чен Чуинг-Мингом и д-ром Сунь Ят-сеном он выступил в качестве примирителя, впрочем, не совсем удачно. "Остроумный в своих речах, резкий в комментариях, Ву Чи-Гуи пользовался в кругах интеллигенции таким же влиянием, каким Сунь Ят-сен в политич. кругах" (Танг Линг-Ли). Однако, он не был только кабинетным ученым, и считал свою политическую деятельность в Гоминдане совместимою с безвластническими убеждениями. На упреки анархиста Хуа Линга и Ли Ши-Ши Ценга в сотрудничестве с националистами, Ву Чи-Гуи заявил, что до осуществления анархизма еще далеко, и теперь надо содействовать претворению в жизнь Трех Народных Принципов д-ра Сунь Ят-сена, не противоречащих анархизму. В Китае, по его мнению, надо прежде всего, преодолеть нищету, почти поголовную неграмотность (5% грамотных в 1911 году). "У нас теперь, — сказал он, — изобилие нищеты, как же можно мечтать о 'довольстве для всех'? И он советует китайской молодежи запрятать древние китайские

книги в сундуки, по меньшей мере, на 30 лет, заняться усвоением европейских наук — этой основы богатства, благосостояния Европы и Америки.

Сперва сторонник советской ориентации д-ра Сунь Ят-сена ("Кропоткин, мол, тоже сотрудничал с большевиками" — это, конечно, не верно! Кропоткин осуждал большевистский террор, не участвовал в советском правительстве, — но он приветствовал русскую революцию — Ву Чи-Гуи, очевидно, был плохо осведомлен об отношении Кропоткина к большевикам), — Ву Чи-Гуи превращается в их ярого противника: деятельность Бородина и других советских агентов рассеяли в нем иллюзии, и он явился одним из главных застрельщиков разрыва с Москвою, вдохновителем произведенной Чианг Кай-ши чистки Гоминдана от коммунистов. Танг Линг-Ли (из лагеря левых гоминдановцев) перемену в настроениях Ву Чи-Гуи приписывает "возобладавшим в нем анархическим чувствам, приведшим его к отречению от сотрудничества с коммунистами, благодаря чему он стал популярен среди реакционных членов Гоминдана, провозгласивших его своим лидером." Что эта перемена произошла в нем по идейным, а не по корыстным или тщеславным побуждениям, это можно заключить из другого заявления упрекающего же его Танг-Линг-Ли (он противоречит самому себе в данном случае): "Несмотря на все эти колебания, никто, однако, не сомневался в его (Ву Чи-Гуи) личной честности, добропорядочности, он никогда не был запятнан связью с милитаристами, не стремился к власти."

Тот же Танг Линг-Ли воздает должное заслугам Ву Чи-Гуи в китайском освободительном движении: "Он — основатель Научной Школы в Китае и в качестве профессора Пекинского национального университета имел огромное влияние на студенчество," но, по мнению Танга, был "плохой политик, не обладал чувством политической, экономической реальности, ответствен за промахи 1924 года, будучи вовлеченным в сферу политической активности." В этой оценке наверное сказывается некоторая доля пристрастия со стороны политического противника Ву Чи-Гуи — левого гоминдановца...

Как и в России, революционные кадры дали верхи китайского общества, главным образом, интеллигенция: в Китае были свои Герцены, Лавровы, Бакунины и Кропоткины из среди сановного мандаринского класса. Цаи Юан-Пей — единомышленник Ву Чи-Гуи, он же участник заговора на жизнь принца-регента — старорежимный "ханлин" (сановник), превратившийся в революционера. До своей эмиграции в Германию и Францию, он принимал деятельное участие в просветительной работе в г. Шанхае, и в первом кабинете республиканского правительства занимал пост министра народного просвещения. Позднее он занял должность ректора пекинского национального университета. В качестве официального вождя Китайского возрождения и Студенческого движения пользовался большим влиянием в молодежных кругах.

Ли Ши-Ценг — сын Ли Хунг-Чао — премьер-министра маньчжурской династии, в бытность свою атташе китайского легатства в Париже вступил в Революционную Лигу, отказался от своей должности, занялся изучением биологии и анархизма, особенно увлекаясь учением Прудона. В то же самое время он управлял соевою фабрикою в окрестностях Парижа, которая превратилась в центр революционной пропаганды китайских студентов, снабжаемых там бесплатными обедами. Фабрика финансировалась его другом Чанг Чи, очень богатым человеком, тоже революционером и, вероятно, анархистом (Танг Линг-Ли).

Среди деятелей китайской революции были люди беспринципные, просто авантюристы, к числу последних принадлежал и так называемый "христианский генерал" Фенг Ю-Хсианг — командир Ку-Мин-Чуна (национальная народная армия). В 1917 году он перешел в христианство, провозгласил и свою армию "христианскою," но, отрекшись от христианства по возвращении из Москвы в сентябре 1926 года, Фенг, одним росчерком пера, объявил свою армию атеистической. Все это обошлось, конечно, без пролития крови, без рубки голов — китайцы в общем индиферентны в вопросах религии.

В общем же, Танг Линг-Ли дает благоприятную оценку членам "старой гвардии" Гоминдана:

"Каковы бы ни были недостатки партийных старейшин, — пишет он, — но можно сказать одно — они никогда не стремились к личной наживе (у китайцев это — редкость: большинство из них корыстолюбивы!). Вместе с Ванг Чинг-Веем, который в течение двадцати лет был их близким другом, они основали после Великой войны, общество "Шести нет," дав обет не занимать должностей в правительстве, не курить, не пить и т. д. Их нравственная чистоплотность несомненна, они уклонились от занятия должностей в пекинском правительстве со времени разрыва Сунь Ят-сена с Юаншикаем, и никто из них не нажил состояния нечестными средствами.

"Исключая Чанг Чинг-Чианга, все они пользовались репутациею просветителей: Цаи Юан-Пей, как ректор Пекинского национального университета, вдохновитель китайского интелликтуального возрождения, Ву Чи-Гуи и Ли Ши-Ценг, как руководители Школы Наук в Китае в то время как Цаи Юан-Пей лучше всего известен в качестве ректора университета и первого министра народного просвещения в правительстве Сун Ят-сена. Ву Чи-Гуи — их вдохновитель; наиболее же яркая среди них личность — Чанг Чинг-Чианг — природный прожектёр, тонкий дипломат. Своим влиянием он обязан исключительно тому факту, что до революции финансировал тайное общество Тонг Менг Гуи, он наиболее влиятельный старейшина партии и, благодаря своей близости к Чианг Кай-ши, представляет собою 'силу за троном.'

"Ху Хан-Мин, хотя слывет за социалиста, но в угоду Ву Чи-Гуи, считает, что Третий Народный Принцип (жизнесуществование) означает анархизм."

Так характеризует китайский историк Лиа главных действующих персонажей китайской гоминдановской революции.

Современник

ВЕЛИКОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Есть люди (рядовые большевики преимущественно, а также лица, только что вступившие в партию), полагающие, что все возвышенное, чистое и красивое в мире, неразрывно связано с большевизмом. Большевизм, в представлении этих людей, это своего рода Георгий Победоносец, вступивший в схватку со страшным змием — капитализмом — ради спасения человечества. Если бы не этот своеобразный рыцарь, то капитализм, по мнению этих людей, давно съел бы всех и вся, и от того, что называется цивилизацией, остались бы лишь воспоминания.

К таким людям принадлежит и герой романа В. Дудинцева "Не хлебом единым" — изобретатель Лопаткин.

Лопаткин знает, что такое социальное зло; он видит его не только в капиталистических странах, но и в СРСР. Там тоже нет того, что должно быть. И Лопаткин, как и полагается благородной натуре, решается восстановить должное. Но как? Не путем отрицания вредоносной системы, порождающей всякого рода социальные язвы, а путем передачи ее из рук в руки. Лопаткин полагает, что установленные в СССР порядки во всех отношениях идеальны, но люди, стоящие у руля правления, не отвечают своему назначению. Вот если этих нехороших людей удалить, а на их место поставить хороших, таких как Лопаткин, — все пойдет как по маслу.

В этом и заключается великое заблуждение Лопаткина и ему подобных.

Предположим, что в здании, вследствие той или иной причины, воздух пропитался ядами и находящиеся там люди отравились. Предположим, далее, что больных вынесли и поместили в больницу, а на их место в здание с отравленной атмосферой поставили других людей — здоровых и жизнерадостных. Что из этого вышло бы? По Лопаткину, отравленная атмосфера от соприкосновения с здоровыми людьми, стала бы чистой и безвредной, по мнению же других людей, смотрящих на вещи трезво и объективно, здоровые люди, начав вдыхать отравленный воздух, сами заболели бы.

Один из противников Лопаткина (тип отрицательный по замыслу автора романа),

поздравляя Лопаткина с победой, между прочим заявляет: "Вы, Дмитрий Алексеевич, теперь достигли своего. Ваше изобретение признано. Создан комитет, возглавляемый вами же, для реализации вашего изобретения. Занимая высокий пост, теперь вашей главнейшей задачей будет: следить за тем, чтобы никто выше вас не поднялся." (Это не цитата, а лишь смысл, в вольной передаче.)

В этом заявлении много горькой истины. Большинство лиц (бюрократов), с которыми Лопаткину пришлось столкнуться, тоже были идеалистами, пока они находились в условиях Лопаткина, т. е. пока они лишь стремились к заманчивым должностям. Многие из них вышли из самой народной толщи. Некоторые, следуя примеру Ломоносова, пришли в Москву в лаптях, уперлись лбом и все раздвинули. (Это любимое выражение Дудинцева. Он повторяет его несколько раз.) Следовательно, пока они шли в лаптях, пока упершись лбом, как волы, все разворачивали, — у них были какие-то благие цели. Без этого они не пошли бы на подвиг. Но когда они достигли того, к чему стремились — их благие цели разменялись на мелкую монету. Разменяются они и у Лопаткина. Из идеалиста Лопаткин тоже превратится в обыкновенного бюрократа. Это неизбежно. Лопаткин, несомненно, думает, что изобретенная им машина — самая лучшая, что более усовершенствованной нельзя придумать. Если же таковая, паче чаяния, появится, Лопаткин всячески будет умалять ее, а ее изобретателю будет ставить такие же рогатки, какие ставили ему разные Авдиевы и Дроздовы. В этом суть советской бюрократии. Она оторвана от населения, замкнута в свой узкий круг. Создан своеобразный Град-Китеж, вход в который посторонним строго воспрещается. Препятствовали Лоиаткину попасть туда, будет Лопаткин в свою очередь препятствовать другим проникнуть туда. Таков "закон" бюрократии.

Заблуждение Лопаткина усугубляется тем, что он, повидимому, искренне верит, что большевики стремятся к осуществлению идеального строя — настоящего коммунизма. Никакого коммунизма в большевистской программе нет. Большевики лишь называют себя коммунистами, но коммунизма в жизнь не проводят. Все их стремления сводятся к созданию полицейского государства и эксплоатации населения при помощи этого государства. Коммунизм достался большевикам по недоразумению. Теоретики коммунизма, говоря об этом идеале, имели ввиду коммунальные поселения, где люди живут как братья, как одна большая семья. У них нет "мое" "твое" — у них все "наше," все общее. Коммуна может состоять из нескольких десятков человек, но может состоять и из нескольких тысяч. Суть коммунизма от этого не меняется. Маркс это учение по недоразумению сочетал с государством. Возможно, Маркс и не подозревал какая глубокая пропасть образуется между теорией и практикой его учения. Но современные большевики, конечно, видят, что между терминологией Маркса и тем, что они создали в России, нет ничего общего. Тем не менее они продолжают пользоваться старой марксистской терминологией. У них все еще в почете такие выражения, как: "диктатура пролетариата," "пролетарии всех стран, соединяйтесь!", "освобождение трудящихся," "социализм," "коммунизм" и т. д., несмотря на то, что все эти выражения никак не соответствуют созданной ими системе. Делают это большевики потому, что им нужны фиговые листья для прикрытия своей отталкивающей наготы, с одной стороны, а с другой — чтобы вводить в заблуждение таких людей, как Лопаткин.

Если грабитель приставит дуло револьвера к сердцу своей жертвы и скажет: давай деньги, ибо они мне нужны для моей разгульной жизни, то поступок грабителя, вне сомнений, вызовет всеобщее осуждение со стороны общества. Но если тот же грабитель скажет жертве: давай деньги, ибо они нужны на постройку школы, церкви, больницы и т. п., то очень возможно, что в обществе найдутся люди, которые одобрят поступок грабителя. Как никак, а требует деньги на хорошее дело. Вот именно так поступают большевики. Приставили дуло револьвера к груди населения и говорят: отдавай все, что имеешь на хорошее дело — на коммунизм. И — как ни странно — находятся люди, отыскивающее смягчающие вину обстоятельства для этого чисто бандитского поступка. Дескать, все-

таки приведут когда-нибудь человечество в землю обетованную — в царство коммунизма.

Лопаткин, конечно, — лицо вымышленное. В действительности никакого Лопаткина нет. В действительности под Лопаткиным следует подразумевать самого автора романа — В. Дудинцева. Проверить искренность Дудинцева нет никакой возможности. Возможно, он притворяется, возможно — говорит искренне. В первом случае все понятно (человек не может иначе говорить), во втором — Дудинцев жертва пускания пыли в глаза. Жить в СССР, сталкиваться на каждом шагу с действительностью и думать, что при помощи сов. государственного аппарата можно осуществить подлинный коммунизм — может только совершенный слепец или же истовый гипокрит. Советский государственный аппарат — явная противоположность коммунизму. Если то, что создано большевиками, можно называть коммунизмом, то любую тюрьму тоже можно назвать коммуной. Население СССР живет как в тюрьме: не имеет ни свободы, ни материальных, ни духовных ценностей. У населения (мы не имеем ввиду лиц, входящих в государственный аппарат) решительно ничего нет, кроме мускульной силы. И эту силу большевики путем пятилеток, стахановщины, соревнования и премирования званием героев труда, стараются как можно интенсивнее эксплоатировать. Это-ли коммунизм? Если да, то потогонная система Тейлора тоже коммунизм.

Дудинцев устами своего героя Лопаткина утверждает, впрочем, что коммунизма в России еще нет, но что он там нужен. Что коммунизм нужен — об этом спору быть не может. Спорным является лишь предположение Дудинцева, что коммунизм может быть осуществлен при помощи теперешнего советского государственного аппарата. Всякое государство враг коммунизма, советское же — тем более. Коммунизм без свободы немыслим. Вхождение в коммуну и выход из нее должны быть свободны. Немыслим также коммунизм, как это ни странно, без собственности. Собственность должна быть, но общая, а не частная. Ни того, ни другого в СССР нет. Там все — свобода и собственность — в руках государства. Государство—господин и хозяин страны, а население—раб. Поэтому Дудинцев, если он действительно желает настоящего коммунизма, должен в первую очередь требовать устранения государства-левиафана, все пожирающего и всех угнетающего.

***

Развенчание Сталина, повидимому, дало повод Дудинцеву заключить, что уже наступила новая эра, — эра бичевания зла, поэтому он и выступил с критикой бюрократии. Подверг Дудинцев критике, собственно говоря, лишь действия отдельных личностей, а не систему в целом, но и за это он попал в немилость.

Уже одно это должно бы доказать Дудинцеву, что в СССР нет места для идеальной жизни. Фактически Дудинцев в своем романе ничего плохого не сказал о сов. власти. Его критика ни чуть не острее критики, возведенной Гоголем в "Ревизоре" на николаевские порядки. Однако, Дудинцеву зажали рот. Он оказался перед дилеммой: или молчать, или переделать свой роман.

Если даже такая книга, как "Не хлебом единым," считается советской властью опасной и нежелательной, то что же говорить о тех планах, которые роятся в головах героев Дудинцева? Лопаткин, например, мечтает о настоящем коммунизме, но он не задумывается над тем, что если бы такой коммунизм осуществился хотя бы в одном районе, то жители других районов тоже захотели бы перейти на такой же коммунизм, и тогда советской власти пришлось бы послушаться рецепта Энгельса (давно забытого) и... вместе с прялкой и бронзовым топором пристраиваться в музее. Иначе говоря, настоящий коммунизм — конец советской власти.

Дудинцев, как один из молодых писателей, сталкивающихся на каждом шагу с таким выражением, как "народная власть," вероятно полагал, что если он даст хороший совет этой народной власти, то она ухватится за него обеима руками и будет весьма благодарна Дудинцеву. Вышло как раз наоборот. Власть не двусмысленно дала понять, что... "с суконным рылом не суйся в калашный ряд." Власть можно хвалить, воспевать, пресмыкаться перед нею, но критиковать, хотя бы для ее же

пользы — Боже упаси. Пойдет ли это впрок Дудинцеву — мы не знаем, но это подтверждает наше постоянное мнение, что там, где власть, — там нет места для добрых дел. Кто хочет творить добрые дела, — должен уходить подальше от власти, понимая это территориально и психологически. Дудинцев же, наоборот, свои советы адресовал власти. И получил... то, чего печатно нельзя называть.

Власть, как бы она ни назаывалась, не любит "чужих" советов, а тем более — действий через ее голову. (Лопаткину неоднократно в канцеляриях заявляли, что, дескать, вы человек чужой, не нашего стада). Даже так называемая демократическая власть, носящая якобы представительное начало, — даже такая власть в конечном итоге выражает свое индивидуальное мнение, а не мнение населения. (Если бы правительства считались с мнением населения, то никаких налогов не было бы, а тем более — высоких. Не было бы и войн, ибо население не желает ни войны, ни налогов.) О советской же власти и говорить нечего. Это — полнейшая отчужденность от населения. Ей даже нет надобности прислушиваться к голосу толстосумов (демократическая власть иногда вынуждена прислушиваться к этому голосу), ибо она сама толстосум. В ее распоряжении все, — и народное хозяйство, и административный аппарат. Такого всесильного кулака едва ли история знала. Поэтому, что ни скажет этот ничем не ограниченный абсолют, то и должно быть. Даже если иногда изречет глупость, то и глупость эта подхватывается казенными борзописцами и возносится до небес.

Вот почему советы Дудинцева дали обратный ход (рикошет).

Бюрократов нельзя трогать. Как никак, а это часть правительственного аппарата. Собственно говоря, бюрократы никакой опасности государству не представляют. Свои обязанности они выполняют довольно сносно, а если иногда и перерасходуют некоторые суммы, так ведь это деньги народные, а не из кармана правительства. Бюрократы причиняют вред лишь населению, так как являются до известной степени паразитами, но разве правительство дорожит интересами населения? Никогда этого не бывало. Если бы правительству, в самом деле, были дороги интересы населения, то, во-первых, население никогда не испытывало бы никакой нужды, ибо правительство всегда во-время пришло бы на помощь, во-вторых, такие романы, как "Не хлебом единым" удостаивались бы премирования, а не порицания.

Есть поговорка, гласящая, что ворон ворону глаз не выклюет. Не забывают этой поговорки и члены правительства, когда на горизонте появляется такой энтузиаст, как Дудинцев.

Дудинцев смело, как говорится, с открытым забралом выступил. Сделал красивый жест. И... обжегся. Его герой (Лопаткин) — одиночка, индивидуалист, своего рода Ницше — поднялся чуть-ли не против государственного аппарата. Один против всех. И победил. Ибо этого желал Дудинцев. Добро ведь в конце концов должно восторжествовать над злом.

Да, герой романа победил, но сам автор не мог победить. Здесь уже победа зависела не от Дудинцева, а от Хрущева. Здесь и добро не помогло. Зло осталось без наказания. Не ожидал, повидимому, Дудинцев этого. Он был, несомненно, уверен, что добро возьмет верх. Не взяло. В СССР не считаются с добром. Интересы правительственной верхушки там дороже нравственных начал. Добром считается то, что укрепляет положение Хрущева, а также то, что подрывает мощь Волл стрита. У Дудинцева есть и это, но оно дальнего прицела. На первом же плане — поединок добра со злом. Казалось бы о чем гадать: добро должно восторжествовать. Нет, просчитался Дудинцев. Теперь он в недоумении. Придет ли ему помощь от партии в лице некоего Галицкого? (Фактически Лопаткина поставил на ноги Галицкий — "око" партии, все время следившее за приключениями Лопаткина). Сомнительно. Партия помогает нуждающимся лишь в воображении Дудинцева, но не вдействительности. В действительности партия не помогает, а крутит всех в бараний рог.

Гр. Е—ий

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ"!

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

ПАМЯТИ П. С. ЖУКА

Павел С. Жук

В Балтимор, Мд., 1-го января 1958 года, от болезни сердца, умер Павел Спиридонович Жук (А. Вышинский) из деревни Дымники, Пружанского уезда, Гродненской губернии (р. 4-го декабря 1895 года). Восемнадцатилетним молодым человеком он прибыл в Балтимор в сентябре 1913 года и, с небольшим перерывом в полтора года, прожил здесь почти 44 года.

В начале нынешнего века крестьянская эмиграция из Белоруссии достигла крупных размеров. От малоземелья и отсутствия заработков у себя на родине десятки тысяч крестьян устремились в Канаду (на землекопные работы) и в Соединенные Штаты, в которых был большой спрос на чернорабочих, на дешевый иммигрантский труд.

В Балтиморе П. Жук устроился на работу в портняжной индустрии, созданной, как и вдругих больших городах, русскими евреями, убежавшими из России от погромов и черты оседлости. Это была родственная, близкая ему среда с преобладавшими в ней социалистическими, революционными настроениями. Существовали кружки, группы и организации, созданные на принципе сотрудничества революционных и прогрессивных сил: социал-демократов, эсеров, анархистов и либералов, которые уживались в одной и той же организации и вели совместную пропаганду, направленную, главным образом, против царского самодержавия. Царское правительство противодействовало ей контр-пропагандой через Американскую православную миссию, издающую ежедневную церковно-национальную газету "Русский Эмигрант," а потом "Русская Земля." Все это, однако, не помогло: революционные идеи осилили самодержавие...

Темпераментный, жизнерадостный, впечатлительный П. Жук с головою ушел в революционное движение. Он немало поработал над самообразованием, политическим развитием, и увлеченный анархическими идеями, превратился в энергичного пропагандиста, неутомного общественного работника. В группах, в организациях всегда в активной роли организатора, застрельщика, инициатора всяких хороших общественных начинаний. Он неизменный участник конференций, собраний и всяких дискуссий. В организациях его репутация честного, преданного общественного работника ни у кого не вызывала сомнений, — он пользовался безграничным доверием всех знавших его людей...

Как участник первоначального революционного движения в Балтимор, Мд., П. Жук оставил о нем свои интересные воспоминания в "ДТП" (№ 31, 32, 1949-1950). Пионерами его он считает четырех докторов: Сенкевича, Крюгера, Пушкина и Миллера. Первая попытка создания революционной организации на принципе широкого объединения потерпела неудачу из-за раздоров и отхода интеллигенции от движения.

С усилением русской эмиграции в период 1910-1913 годов была сделана вторая попытка создания новой организации с анархическими тенденциями. Инициаторами ее П. Жук называет д-ра Сенкевича, его сестру Марию Сенкевич, Ляха, Балая, Горского и др., к которым впоследствии примкнули С. Жедик, Иван Кобась-Тарасюк, В. Тризно, И. Пашкевич, И. Волков и др.

Эта организация располагала собственным клубным помещением на Спринг улице с библиотекою и залом для собраний, лекций, докладов. Распространялась анархическая газета "Голос Труда," издаваемая в Нью Иорке, а также анархические брошюры. Организация настолько усилилась, что могла устраивать уличные митинги, привлекавшие множество русских людей. На этих митингах выступали не только местные ораторы, но и приезжие из Нью Иорка — Мухин, Шатов, Шнабель и др.

Февральская революция в России вызвала необычайное возбуждение среди эмиграции. Падение царизма воспринималось ею, как осуществление заветной крестьянской мечты о земле и воле. Временное правительство своим предложением отъезда политических эмигрантов в Россию на казенный счет только укрепляло эти надежды, усиливало обратную тягу на родину. Этим предложением успели воспользоваться многие политические эмигранты — социалисты, эсеры и анархисты: Шатов (переметнулся к большевикам), д-р Сенкевич с женою и двумя детьми, Мария Сенкевич, Лях, И. Кобась-Тарасюк, Балай, Коляда, Горский и мн. др.

Отъезд этих активистов в Россию привел к закрытию клубного помещения в Балтиморе, к прекращению издания "Голос Труда." Не только активисты, но почти все русские эмигранты потянулись в свободную Россию, желая избавиться от буржуазной эксплуатации.

Октябрьская революция вызвала интервенцию союзников в Россию, блокаду ее, закрытие границ, об отъезде туда не могло быть речи. Русская эмиграция волновалась, протестовала против интервенции, удержания ее в Америке, и поэтому приходилось заново устраиваться на старом пепелище.

В начале 1918 года, совместными усилиями социал-демократов Д. Бусько, Опанчука, Ломакина, А. Волкова и анархистов — М. Березина, С. Мороза, С. Жедика, В. Тризно, И. Брунета, М. Суховерхия, И. Пашкевича, К. Носуро и др., была основана новая массовая организация — "Русская Рабочая организация г. Балтиморы" с большим залом — 435 Саут-Бродвей. Она быстро росла и пользовалась большим влиянием среди русских.

Отношения с социалистами обострились и они покинули организацию, которая в феврале 1919 года приняла новое название: "Союз Русских Рабочих," вошедший в состав Федерации Союзов Русских Рабочих, в съезде которой в январе 1919

года в Нью Иорке неофициально участвовали балтиморцы (М. Березин и С. Мороз).

Деятельность СРР оказалась очень плодотворной: в восточной части города появился Союз № 2 с собственным клубным помещением и библиотекой; почти одноврменно в западной части города возник Союз № 3, а в окрестностях Балтиморы, в Куртис-Бэй, — Союз № 4. (П. Жук состоял секретарем Союза № 1, был одним из организаторов остальных Союзов). Союз № 4-й наполовину состоял из украинцев, и союзовцы пытались создать Союзы польских и литовских рабочих (инициатива не осуществилась из-за палмеровских погромов).

В четырех балтиморских СРР насчитывалось около 600 членов, деятельность которых координировалась Федеративной Комиссиею. Устраивались лекции, митинги, доклады местными силами, или при участии нью иоркцев: Шнабеля, Перкуса, Шаца, Зака, Кушнарева и др. В школе обучали русскому языку, принимали участие в издании "Хлеб и Воля" и других анархических книг (балтиморцы издали книгу Маккая "Анархисты," брошюру Малатесты "Крестьянские речи" и др.).

В созданный по инициативе Союзовцев Совет Рабочих Депутатов входили более десяти различных рабочих организаций, а 24 февраля 1918 года СРР была организована Лига Защиты Русской Революции с вовлечением в нее широких рабочих масс г. Балтиморы. Она вела пропаганду против интервенции в Россию, за открытие границ и даже вербовала добровольцев для борьбы с контрреволюцией.

Вступление США в войну усилило реакцию. Русские воспротивились призыву их в американскую армию (по прежним американским законам иностранцы освобождались от воинской повинности). Насильно взятые в армию Л. Х. и П. Жук были освобождены по настоянию защиты, но Василий Криворук за отказ от службы попал под военный суд, приговоривший его к смертной казни (ее заменили тюремным заключением от 10 до 20 лет, после окончания войны его, однако, освободили).

Во время палмеровских погромов 7 ноября 1919 года в Балтиморе арестовали свыше 30 человек. Защита добилась освобождения М. Березина и Т. Труса, как имевших рожденных в Америке детей; другие же были депортированы на "Буфорде." С переменой власти в Вашингтоне гонения на русских ослабли, но организациям был нанесен чувствительный удар: клубы, библиотеки, склады книг частью были конфискованы, а частью уничтожены. В Нью Иорке были разгромлены: ежедневная газета Союзовцев "Рабочий и Крестьянин" и федеративный еженедельник "Хлеб и Воля."

Погромами пресекли легальную деятельность СРР. В Балтиморе возникло пять подпольных групп, примкнувших к Федерации "Волна," которые, при содействии Индустриальных Рабочих Мира и юнионов портных, создали Общий Комитет Помощи политическим заключенным с участием многих американских рабочих организаций. Потребовались средства на помощь семьям арестованных и на юридическую защиту. Устраивались митинги протеста, собирались средства. Заимообразно было дано свыше 30.000 дол. Сперва арестованных освободили под залог, а потом адвокат Дж. МакНамара добился их полного освобождения.

Созданный Комитетом помощи Рабочий Красный Крест после этого был переименован в Общество "Самообразование," возобновилась легальная работа. В открытой школе грамоты преподавали три учителя, делались неудачные попытки создать техническую школу. Устраивались концерты, спектакли, вечеринки, читались лекции.

Общество "Самообразование" всемерно поддерживало журнал "Волна" и еженедельную газету "Американские Известия," участвовали в издании многих книг. Затем начался спад революционных настроений. Многие из балтиморцев, обольщенные большевизмом, уехали в Россию, некоторые превратились в дельцов, карьеристов, разъехались по другим городам, уцелела лишь одна из пяти прежних групп, по инициативе которой был создан роовский отдел взаимопомощи.

Полтора года П. Жук занимал должность секретаря общественной еженедельной газеты "Американские Известия," а затем женился и вернулся в Балтимору портняжничать. Заботы о семье (дочь его окончила высшую архитектурную школу, а сын учится в инженерной щколе) никогда не отрывала его от общественной работы, которой он был безгранично предан. Это был энтузиаст идеи свободы и безвластия, человек необычайно отзывчивый, жертвенный, он заботился не только о живых людях, но и о могилах умерших товарищей (С. Мороза, например, которого считал своим учителем, умершего в Сан Франциско в 1927 году).

Заканчиваю этот некролог перефразировкою эпитафа в статье П. Жука ("Рассвет," 25 мая 1927 г.), посвященной смерти С. Мороза:

Под шум волн Атлантики, спи наш дорогой незабвенный товарищ Павел Спиридонович Жук. Пусть снятся тебе сны о счастье и лучшей доле человечества...

Друг

ЕЩЕ ОДИН ВЗМАХ КОСЫ СМЕРТИ

5 марта с. г. внезапно скончался Семен Хильчук (псевдоним — Терпигоре). Смерть Хильчука для многих явилась полной неожиданностью. До последнего дня он работал на фабрике, шутил, смеялся, жил, так сказать, полной жизнью. В роковой день, придя с работы домой (работал он у Форда инструментальщиком), Хильчук, как всегда, умылся, поужинал, приласкал детей и лег отдохнуть. Вскорости он почувствовал плохо. Позвали доктора. Доктор вызвал пожарных. Больного поместили в кислородную палатчу. Увы, ничего не помогло. В 11 ч. 30 м. вечера наступла смерть. Несмотря на поздний час, печальная весть быстро разнеслась по городу и взволновала всех друзей, которых у покойного было очень много.

Родился Хильчук (его правильная фамилия, ка-

жется, будет Гильчук) 16 февраля 1892 г. в дер. Стрый, Дульецкой вол., Кобринского уезда, Гродненской губ. Избранная им кличка "Терпигоре" (некоторые его называли Терпигорев) вполне соответствовала его положению. Чуть-ли не с отроческих лет он вынужден был идти работать к помещику, где рабочий день определялся восходом и заходом солнца и где подзатыльники со стороны разных "старших" считались обычным явлением. Об образовании нечего было и думать. Дальше церковно-приходской школы дети крестьян не шли. В церковной же приходской школе вся "наука" состояла из заучивания молитв и снятия шапки перед священником, старшиною и урядником. Уменье кое-как поставить свою подпись — все, что могла дать церковно-приходская школа.

С такими познаниями Хильчук в октябре 1913 года очутился в Чикаго. Шел ему тогда 21-й год — самый расцвет жезнедеятельности и любознательности. Кто-то посоветовал Хильчуку приступить к изучению английского языка. Он послушался совета. За изучением языка он приобрел друзей, оказавшихся с большим запасом знаний не только в области грамоты, но и в области социальных наук. Однажды он вместе с друзьями попал на лекцию. Лектор толково и ясно излагал, кто создает богатства и кто ими пользуется. Одни всю жизнь работают и почти ничего не имеют, а другие ничего не делают и все имеют. У Хильчука открылись глаза; он узнал, что такое помещик, на которого он подростком работал и что такое капиталист, на которого он сейчас работает. С этих пор Хильчук стал членом одного из отделов Индустриальных Рабочих Мира.

У меня нет точной даты переезда Хильчука из Чикаго в Детройт, но, если не ошибаюсь, появился он в Детройте в начале 20-х годов. Удалось устроиться "тулмейкером." Эту професию он изучил еще в Чикаго по совету друзей из И.Р.М. Сравнительно хороший заработок дал возможность Хильчуку с течением времени стать на ноги: оказался у него домик, автомобиль и все, что необходимо в доме. Мещанином, однако, Хильчук не стал. Он хорошо знал, что кажущееся благополучие рабочего в современном строе — здание на песке. Стоит только депрессии появиться и затянуться на несколько лет — от кажущегося благополучия ничего не останется. Поэтому Хильчук всегда симпатизировал и щедро помогал тем идеалистам, которые осуждают современную систему и доказывают необходимость социальной реорганизации.

Покойный был строг, как к себе, так и к другим. Двурушничества не переносил. Если замечал за кем либо неискренность — не подавал ему руки. Большевиков строго осуждал за их ложь и лицемерие. Несмотря на эти строгости и не взирая на темпераментный характер, покойный пользовался глубоким уважением. К его словам прислушивались и считались с ними.

Хильчук являлся активным членом Кооперативного Общества и Рус. Амер. Гражд. Клуба. В последнем иногда он выполнял должность протокольного секретаря.

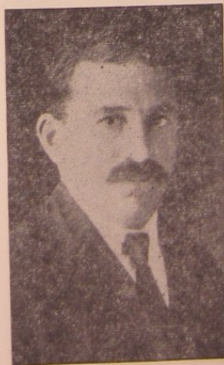
В семеной жизни — принадлежал к кругу счастливцев. Два раза был женат и оба раза удачно. Первый раз женился в Чикаго на девушке, приехавшей, так же как и он, в Америку на заработки и примкнувшей к освободительному движению. Второй раз (после смерти первой жены) женился в Детройте на американке. Покойный оставил после себя сына и три дочери.

Похороны состоялись 10 марта. Свыше 100 автомобилей следовало за гробом. Было много цветов и венков от друзей и организаций. Все сочли своим долгом отдать последнее "прости" усопшему. Так как покойный считался последовательным атеистом, то похороны не носили религиозного характера. Только небольшая молитва была прочитана пресвитерианским священником перед опусканием тела в могилу. Последнее было сделано по настоянию жены, принадлежащей к пресвитерианской церкви. Осуждать горем убитую женщину за это, конечно, не приходится. Она верит, что эта молитва поможет, как умершему ее мужу (снимутся грехи), так и ей (легче перенести большое горе).

Со смертью Семена Хильчука освободительное движение потеряло искреннего друга, а русская колония гор. Детройта — хорошего и примерного работника. Но память об умершем долго будет жить.

Ф. Коваленко

У МОГИЛЫ, УЖЕ ПОРОСШЕЙ ТРАВОЙ

Анатоль Горелик

Нет, это не свежая могила. Она уже поросла нежной травкой, но у ней следует остановиться, ибо этот холмик связан чуть-ли не с целой эпохой.

Жизнь анархиста активиста тяжела вообще, но жизнь тов. Анатолия Горелика была тяжелой в особенности. С самого раннего детства и до самой могилы она протекала под знаком борьбы, как за существование, так и за свои идеи. Единственным утешением была — подруга жизни Фаня, безропотно делившая все: и радости и горе, — больше всего горе, ибо радостей было мало.

Родился т. Горелик 28 февраля 1890 г. в Геническе, небольшом портовом городке Тавричевской губ. Родители считались самыми бедными евреями в Геническе, семья же была большая. В 10-летнем возрасте Анатолий вынужден был поступить на работу в бакалейную лавку разносчиком. Природа наградила мальчика большой любознательностью, хорошей памятью, способностью

учиться и мечтать. Но учиться в то время в России, как и сейчас, для бедных еврейских детей почти невозможно было. Чтение книжек, покупаемых уже на свои сбережения — было почти все, чем Толя мог удовлетворять свою любознательность.

По достижении юношеского возраста т. Горелик, имевший уже некоторые сбережения, оставил Россию и переселился в Париж. Не легко было и в Париже. Пришлось брать работу какая попадалась. Но сила, молодость, а главное — желание знаний преодолели все. Закончив среднее образование, т. Горелик поступил в университет. В Париже в то время было много русской и русско-еврейской учащейся молодежи, а революционного энтузиазма — еще больше. Тов. Горелик быстро освоился с социальными науками и примкнул к анархистам.

Когда началась первая мировая война, т. Горелику вместе с некоторыми другими анархистами удалось перебраться в Соед. Штаты. В 1914 году он уже в Чикаго. Сразу же вошел в свободническое движение. Я полагаю, что о его деятельности в Соед. Штатах дополнит кто-нибудь из товарищей, вместе с ним живших и работавших.

В Чикаго т. Горелик познакомился с еврейской девушкой Фаней, впоследствии ставшей его подругой жизни. Как только весть о революции в России дошла до Чикаго Анатолий и Фаня собрались на родину и на первом же пароходе уехали туда вместе с другими единомышленниками. В России они остановились в Екатеринославе, где анархическая революционная группа уже развивала широкую деятельность. Здесь т. Горелик, что называется, с головой окунулся в общественную деятельность. Читал лекции, рефераты, делал доклады, выступал на массовых митингах, как в Екатеринославе, так и в окрестных городах. Вскорости т. Горелик связался с "набатовцами" и с гуляй-польской группой, ставшей впоследствии центром махновского движения.

В то время вся Россия бурлила в потоке революции. Население огромной страны радовалось и ликовало как в праздник Пасхи и ждало, как окончания войны, так и социально-экономических реформ. Но реформы не приходили. Разные политические партии боролись за руководство революцией, а о нуждах населения мало думали. Для анархистов вследствие этого было широкое поле деятельности. И они эту возможность хорошо использовали. Не было такой фабрики или завода, комитета, профсоюза или кооператива, куда бы не проникала анархическая пропаганда. А. Горелик всегда находился в первых рядах активистов. Население прислушивалось к анархистам и когда произошел октябрьский переворот, население полагало, что наступило осуществление того, о чем говорили анархисты, поэтому оно и поддержало "Октябрь." Но большевики обманули...

Обманули большевики и анархистов, поверивших, что с большевиками можно вместе бить, но врозь идти. Пока речь шла лишь о том, чтобы "вместе бить" — большевики были друзьями, когда же дело коснулось "врозь идти" — большевики превратились в злейших врагов. Иначе говоря, пока нужно было бороться с контр-революцией, большевики называли анархистов товарищами, когда же с контр-революцией было покончено, анархисты стали "бандитами" и "рабоче-крестьянская" власть почти всех их арестовала.

Был арестован и Горелик — на съезде анархистов в Харькове в 1919 г. Съезд этот, как потом выяснилось, был чем-то вроде ловушки: большевики знали о его созыве, поэтому без особого труда хватали прибывавших делегатов. Начались мытарства по сов. тюрьмам. Горелика хотя иногда и освобождали, но не надолго (например, для принятия участия в похоронах Кропоткина). Неизвестно чем бы все это закончилось, если бы не съезд красного Профинтерна. Большевики тогда еще заигрывали с радикальными кругами Западных стран. На съезд прибыли в Москву из некоторых западно-европейских стран синдикалисты. Узнав об этом, анархисты в одной из московских тюрем объявили голодовку. Большевики оказались в щекотливом положении: чем объяснить западно-европейским синдикалистам тот факт, что их единомышленники не на свободе, а в тюрьмах? Пришлось объявивших голодовку освободить, но с условием высылки их из страны. Изгнание из своей вотчины большевики тогда считали чем то вроде наказания. Потом они убедились, что эта мера наказания приносит обратные результаты (высланные могли свободно говорить о положении дел в СССР), поэтому выезд из страны наглухо закрыли даже беспартийным, а не то что идейным противникам.

Первым местом, где остановились высланные анархисты, оказался Берлин. Экономическое положение Германии в то время было не из блестящих, поэтому новоприбывшим, вместо распаковывания чемоданов, пришлось заботиться о том, чтобы двинуться куда-нибудь дальше. Горелику после некоторых хлопот представилась возможность переселения в Южную Америку, чем он, конечно, и воспользовался. Безвластническое движение в Южной Америке тогда было еще в зените. Существовали многочисленные организации, издавались книги и газета на русском языке — "Голос Труда," редактирование которой и было поручено Горелику. В течение 8 лет он успешно справлялся с возложенной на него задачей, в то же время посылая свои статьи для печатания в других анархических изданиях, издававшихся в разных странах, на разных языках, в том числе и в журнал "Пробуждение." В начале 30 гг. в Аргентине воцарилась реакция вследствие чего "Голос Труда" и др. анархические издания были закрыты.

В 1940 г. тов. Горелика разбил паралич. 16 лет он провел прикованным к постели. Как это ни странно, но об этом почти никто не знал. Объясняется это, по всей вероятности, тем, что безвластническое движение в это время, в силу тех или иных причин, заглохло. Все заботы о больном пали исключительно на его жену. Несмотря на свое хрупкое здоровье и на семейную обремененность — двое детей — Фане Горелик пришлось идти работать и своим личным трудом поддерживать больного мужа и семью. Этот период

ХРОНИКА

П. А. СОРОКИН ОБ АНАРХИЗМЕ

Когда меня спрашивают к какой политической партии я принадлежу, я обыкновенно отвечаю: I am a Conservative Christian Anarchist (взято из книги Х. Эдемса).

Христианский, или точнее, морально-творческий анархизм выражается не только и не столько в религиозных верованиях и церковных обрядах, сколько в моральных убеждениях и в поведении, проникнутом глубокой, действительной любовью и уважением ко всем людям и даже ко всем живущим существам. Согласно такому морально-творческому анархизму, люди должны жить мирно, как братья, не прибегая к насилию и принуждению. НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ Христа является для меня наивысшим идеальным формулированием этой творческой морали.

Анархизм без свободной творческой личности немыслим. Всякий авторитет исключается. В центре внимания стоит ЧЕЛОВЕК. Но человек не только биологический организм (материалистическая точка зрения) и не только рационально-мыслящая личность, способная познавать СУЩЕЕ . . . Человек — гораздо больше этого; он — ТВОРЕЦ (гений). Человек должен не только познавать окружающее, уяснять законы природы, — он должен создавать нечто НОВОЕ, до того не существовавшее. В этом и заключается творческая личность, в этом же заключается прогресс человечества.

Поскольку анархизм (Интернациональный Мирный Анархизм) гарантирует такую свободную творческую личность — я анархист.

СУДЬБА ИСПАНЦЕВ, БЕЖАВШИХ ОТ ФРАНКО

С испанского парохода, прибывшего в Сан Диего, Кал., бежало несколько матросов. Некоторым из них удалось благополучно перейти границу и скрыться в Мексике. Так как мексиканские власти благосклонно относятся к противникам Франко, то казалось, что всякая опасность бежавшим миновала. К несчастию, в действие вступил другой закон: строгость перехода границы из Соед. Штатов в Мексику. Бежавшие начали рассматриваться не как политические противники Франко, а как лица, бежавшие из Соединенных Штатов. Американские власти потребовали их выдачи и требование это было удовлетворено. Беглецы (их пять человек) находятся сейчас в одной из федеральных тюрем и им грозит высылка в Испанию. Некоторые юнионы (в Лос Анжелос) подняли кампанию простеста с указанием, что если бежавшие будут депортированы, то им грозит верная смерть, вследствие чего суровость наказания падет и на долю американских властей. Протест этот разделяют многие благотворительные и гуманитарные организации.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЛОНДОН

В циркулярном письме, разосланном Международным Анархическим Центром, говорится о желательности устройства будущим летом в Лондоне (где Центр находится) своеобразного слета анархистов. Авторы письма указывают, что Лондонская Анархическая Группа каждое лето устраивает летние курсы, продолжающиеся иногда несколько недель на которые съезжаются анархисты со всех концов Англии. Если эти курсы расширить, если бы в них приняли участие анархисты других стран, получился бы обмен мнений в международном масштабе и произошло бы более тесное знакомство между отдельными товарищами. Центр гарантирует почти бесплатное квартирование приезжим, если они, конечно, заблаговременно оповестят Центр о своем намерении прибыть в Лондон. Адрес Центра тот же, что и газ. "Фридом."

ОТКАЗ ОТ СОБСТВЕННОСТИ

Движение за отказ от собственности все шире и шире развивается в Индии. Во главе этого движения стоит Винοба Бавей, последователь Ганди, начавший в 1951 году паломничество по стране с проповедью отказа от собственности. В то время Винοба имел лишь несколько последователей; в настоящее же время количество его последователей исчисляется тысячами.

Ходит Винοба пешком по принципиальным соображениям: он не признает денег, поэтому нет за что купить ж.-д. билет. Английский писатель, Д. Грум, в следующих словах описывает день жизни Винобы. Встают в 3:30 утра и сообща молятся до 4 часов. Затем идут пешком до следующего села — обыкновенно 10-12 миль. Там проводят весь день, беседуя с жителями села. В 5 часов вечера — молитвенное собрание, на котором Винοба произносит одночасовую речь. Молитва заключается в полном молчании — для того, чтобы каждый мог поразмыслить над достоинствами любви, добра, истины и жертвенности. В 8 часов состоится еще одна беседа — заключительная. Винοба всегда находится в хорошем расположении духа. "О, как много радостей в жизни" — говорит он.

жизни покойного тов. Горелика, вне всяких сомнений, был самым тяжелым. Помимо материальной нужды, тяжело было еще от того, что как будто бы все отвернулись, забыли. Последние несколько лет т. Горелик провел в одном из госпиталей Буэнос-Айреса, где и умер 15 ноября 1956 года. Об его смерти, как и о болезни, тоже долгое время никто не знал. Лишь случайно я узнал об этом и сообщил некоторым товарищам.

Обидно, что так закончилась жизнь т. Горелика, так много отдавшего делу безвластия. Приходится, хоть и с опозданием, сказать: Товарищ Анатолий! Когда восторжествует идеал, которому ты служил, наши потомки тебя вспомнят и занесут на золотые скрижали.

Александр Черняков

Земля принадлежит Богу — говорит Виноба — поэтому никто не должен считать ее своей собственностью, никто не должен ее продавать или покупать. Вообще, по мнению Виноба, экономика, основанная на деньгах, не может обходиться без насилия.

В результате проповедей Виноба, в настоящее время более двух тысяч сел в Индии перешло на коммунистический образ жизни. И в этих селах люди, вместо прежнего "Я," говорят "Мы," вместо "Мое" — "Наше."

ПРОТИВ ИСПЫТАНИЯ БОМБ

Секретарю ОН доставлена петиция выдающихся ученых разных стран (43 страны). Количество подписей под петицией доходит до 10 тысяч, из которых 2,705 принадлежат американцам, а 216 — сов. ученым. В петиции говорится, что если правительства будут продолжать испытания атомных и водородных бомб, то они тем самым, даже без войны, будут причинять вред населению. Каждый взрыв бомбы—отравление воздуха. Смертоносные частицы, освободившиеся в результате расщепления атома, не исчезают, как уверяют агенты правительства, а проникают тем или иным путем в организм живых существ. Уже сейчас известный процент смертности от лукемии (болезнь крови) и рака костей падает на взрывы атомных бомб; если же испытания будут продолжаться, то этот процент неизбежно будет возрастать. Высчитано, что продолжительность жизни известной части населения сократилась в результате испытания бомб приблизительно на 8 лет. Испытания пагубно отражаются не только на живущих в настоящее время, но и на тех, кого еще нет, но кто должен придти. Ученые нисколько не сомневаются, что если испытания будут продолжаться, то количество ненормально развивающихся детей будет увеличиваться в прогрессивной пропорции. Кроме этих чисто гуманитарных побуждений, ученые полагают, что прекращение испытания бомб послужит началом полного разоружения и прекращения всяких войн. Доводы ученых, конечно, неопровержимы (хотя некоторые политиканы пытаются их опровергнуть), сомнительно лишь то, что ученые, подписавшие петицию, повидимому серьезно верят, что ОН в состоянии разрешить такие первостепенные вопросы, как отказ от испытания и производства бомб, объявление войны вне закона и т. д. Ученые, как видно, забывают, что ОН — не хозяин а слуга того или иного правительства.

Одновременно с петицией ученых нобелевский лауреат (химия, 1954 г.) Линус Паулинг выступил с опровержением доводов правительства, что ему, правительству, будто бы удалось сконструировать "чистую" т. е. безвредную бомбу. По мнению Паулинга, никаких "чистых" бомб не может быть. Все атомные и водородные бомбы — "грязные" и вредные для человека.

В связи с этим следует отметить, что бывший морской офицер, участник второй мировой войны — Альберт Бигелов, совместно с четырьмя компанионами, отправился на небольшом парусном судне к тем тихоокеанским островам, где производятся испытания бомб. Бигелов заявил представителям печати, что он и его товарищи намерены оставаться в районе Эниветских островов до тех пор, пока будут продолжаться испытания бомб. Очень возможно, что все они будут арестованы.

П.С. Они уже арестованы.

БЮЛЛЕТЕНЬ ИАЦ

В очередном бюллетене (№ 3) Интернациональный Анархический Центр повторяет свое прежнее приглашение приехать, кто может, на летние анархические курсы в Лондон. В настоящее время члены Центра заняты подысканием помещения, которое одновременно служило бы и общежитием, и местом для собраний и митингов. Центр нуждается в переводчиках. Товарищей, знающих русский, болгарский или же японский языки просят немедленно снестись с Центром, почтовым адресом которого все еще является книжный склад при газете "Фридом."

КАКОЙ АНАРХИЧЕСКИЙ ФЛАГ?

Этого вопроса касается М. Неттлау в своем письме к М. Герцман, датированном 28 февраля 1933 г. Неттлау утверждает, что у анархистов нет флага, одинаково всеми признанного. В прежние времена, когда во многих европейских странах запрещались демонстрации с красным знаменем, революционеры, в том числе и анархисты, защищали от полиции красный флаг. Приблизительно в то время, когда в Интернационале наметился раскол, некоторые итальянские анархисты начали выступать под двухцветным знаменем: черным и красным. Поле было черное, а полоска по сторонам — красная. Неттлау думает, что этот флаг был принят как бы в противовес марксистскому красному знамени. Испанские анархисты до сих пор имеют двухцветный — черное и красное — флаг. Черное знамя впервые появилось во Франции во время демонстрации безработных. Анархисты решили, что черный цвет более соответствует настроению и положению безработного, чем красный. С тех пор черный флаг в большинстве случаев стал анархическим знаменем.

ИСПАНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ

Во Франции — преимущественно на юге — находится около 160,000 человек, бежавших в свое время от преследований Франко. Многие из этих беженцев совершенно выбиты из колеи жизни: неспособные из-за физических дефектов к труду или же драхлые старцы. Живут они на скромные подаяния со стороны властей или же филантропических организаций. Что это за жизнь можно видеть хотя бы из того, что двое стариков — муж и жена — вынуждены жить месяц на 7 долларов.

Четыре года тому назад в Нью Иорке организовался комитет помощи этим нуждающимся людям, успевший уже переслать в Европу продовольствия, одежды, а также и деньгами приблизительно на 115,000 дол. Адрес этого комитета:

SPANISH REFUGEE AID
80 E. 11th St., New York 3, N. Y.

ДЕКЛАРАЦИЯ

ГРУППЫ "ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ" ГОР. МОНТЕВИДЕО

(Прочитанная на съезде анархистов, состоявшемся 1-3 ноября 1957 г. в Монтевидео.)

Анархизм и текущий момент. Товарищи! В настоящее время все страны испытывают затруднения в разрешении политических и экономических проблем. Ни в одной стране нет устойчивости и уверенности в завтрашнем дне. Возьмем, к примеру, самые сильные и самые богатые страны — США, СССР, Англию, Францию и др. Всех их трясет политическая и экономическая лихорадка. О малых странах и говорить нечего, ибо все они зависят от больших стран. Наша планета как бы раскололась на две части: буржуазно-демократическую под протекторатом США и "народно-демократическую" под контролем СССР. Эта трещина и является причиной политической и экономической неустойчивости. Главарям США и СССР мерещится мировое господство, поэтому они вместо того, чтобы засыпать образовавшийся ров — стараются его углублять. Страдают от этого прежде всего широкие слои населения, ибо они, во-первых, вынуждены покрывать все расходы, связанные с гонкой вооружений, а, во-вторых, находятся под вечным страхом 3-й мировой войны. Радуются этому лишь политиканы, большого и малого калибра, угнездившеся в Вашингтоне и в Кремле.

Спрашивается: почему же население молчит? Ведь правителей и политиканов — кучка, населения же — милионы. К великому сожалению, в одном случае, зажат рот, а в другом — его деятельность направлена совсем в противоположную сторону. В СССР, например, никто кроме власть придержащих не может и пикнуть, в США же, где есть некоторая возможность говорить, говорят главным образом о приобретении нового автомобиля, холодильника, телевизора и т. п. Не малую роль также играет то обстоятельство, что почти все общественные идеалы, которые еще недавно ярко светили на небосклоне, потускнели. Почти все социалисты перешли на сторону того или другого блока и одобряют действия того или другого правительства. Социализм, как идеал, поэтому, уже не может импонировать населению.

Теперь слово за нами, анархистами. Наш идеал единственный, не скомпрометировавший себя. У нас есть возможность подойти к массам. Нужно лишь действовать дружно, солидарно, а не вразброд, не во вред друг другу. Разнобои — наш недостаток. Другой наш недостаток — отсутствие общей программы. При нашей распыленности и раздробленности населению в высшей степени трудно разобраться кто мы и чего мы хотим. Эту неясность мы должны устранить в первую очередь. Нужно создать единую анархическую программу, нарисовать хотя бы в общих чертах контуры свободного анархического строя. Одной критики существующих порядков — мало, — нужно указать и положительную сторону своей программы. Основа анархического строя — Вольный Коммунизм. Создание Вольного Коммунизма, хотя бы в теории, и должно быть нашей главнейшей задачей. Нужно также практиковать терпимость в нашей среде. Всегда помнить, что все мы — анархисты: и те, кто считает себя последователем Кропоткина, и те, кто верит заветам Прудона или Штирнера. Наша дружная работа и товарищеские отношения будут служить хорошим примером для тех, кто еще не стал анархистом, но идет к анархизму. Ничто так вредно не отражается на общем деле, как взаимная грызня и бесконечные ссоры.

Итак, товарищи, — сомкнем ряды! Время работает на нас. Банкротство авторитарных идей — вода на нашу мельницу. Созданный большевиками строй никого не прельщает. Наоборот, если бы была возможность — все оттуда убежали бы. Не прельщает здравомыслящего человека и частно-капиталистический строй, где весь смысл жизни сведен к чисто скотским похотям. Безработица, как неизменный спутник капиталистической системы, тоже подтачивает эту систему. Одним словом, почва для наших идей взрыхлена. Нужно лишь сеять, нужно лишь бросать полновесные зерна. Если у нас будет согласованность в действиях и четкая определенная программа — плоды не замедлят сказаться. В добрый час, товарищи!

По поручению группы **А. Черняков**

П.С. Оглашению этой декларации предшествовало чтение приветствия съезду.

Из недавнего прошлого

Редактор, превращенный в князя

Из случайной газетной заметки стало известно о смерти в г. Кеноша, Адама Петровича Шуйского, который до своего переезда из Нью Иорка в Чикаго в 1924 году подвизался на страницах просоветского печатного органа в качестве постоянного сотрудника, помещавшего ежедневные хлесткие фельетоны за подписью "Скопин."

В ньюиоркской русской печати были "и погромче витии," и там мало обращали внимания на выходки г. Скопина. В это время чикагские "независимцы-вудцы" (гродненцы, минчуки, волынцы и др.), желая просветить себя и других, основали ежедневную газету "Русский Вестник." У них были благие намерения и деньги, но не было издательского опыта и подходящих для этого людей. Нужен был хотя бы дельный редактор. И он нашелся...

Из Нью Иорка в Чикаго Скопин приехал на захудалом фордике (в то время лучших машин еще не было). Появление путешественника-автомобилиста произвело большое впечатление на издателей газеты: "человек из такой дали, не заблудился в пути, с ним, брат, не пропадешь — не таковский!" И место редактора газеты г. Скопину было обеспечено. Он оказался "на высоте" — писал передовицы, фельетоны, пускал

стрелы в кого следует. Его хвалили. Восхищались, хотя находились и хулители. Успех вскружил голову человеку, захотелось еще большей славы, и она пришла...

В херстовской газете "Чикаго Ивнинг Америкэн," от 25 ноября 1924 года, появилась статья очень брехливого и пронырливого репортера этой газеты Мейера Золотарева с портретом г. Скопина под громким заголовком: "Последний родственник царя в Чикаго. — Редактор 'Русского Вестника' Скопин — не кто иной, как князь Адам Шуйский — единственный, уцелевший потомок царя Василия Шумского из рода князей Рюриковичей, имеющий неоспоримое право на царский трон в большей степени, чем Романовы."

Из приведенной в статье биографии этого "претендента" мы узнали, что он родился в Москве в 1890 году, по образованию агроном выпуска 1911 года, мобилизовали его в армию в 1914 г., успел уже дослужиться до чина подполковника, стал авиатором, награжден многими знаками военного отличия "за храбрость." Конечно, в Петрограде, в придворных кругах, он был "свой человек" и г. Золотарев считал его самым подходящим для России царем, если там он понадобится. Газета не скупилась на восхваление добродителей царя Василия Шуйского, чтобы выставить в привлекательном свете его достойного потомка-претендента на престол.

Как хорошо известно из истории, Василий Шуйский, Борис Годунов, Романовы подготовили смуту на Руси, а В. Шуйский был главным действующим лицом "Смутного времени." Не без его участия обошлась ликвидация династии Бориса Годунова, первого самозванца Лжедимитрия, отравление своего племянника Скопина — молодого талантливого полководца, успешно отражавшего поляков. Как и Сталин, Шуйский не терпел в своем окружении талантливых людей и расправлялся с ними хорошо знакомыми ему методами Ивана Грозного.

Сам он был бездарный трус, большой интриган, человек безжалостный и беспринципный. Предоставленный самому себе, он был разбит поляками, занявшими Москву и увезшими его в Краков в качестве пленника. В Польше же пленником он и умер, не оставив после себя потомства (он женился стариком). Несмотря на все эти злодейские качества и проделки В. Шуйского, г. Золотарев счел нужным рекомендовать его, как первого русского царя с "конституционными замашками."

Статья г. Золотарева имела неожиданные для Скопина последствия: издатели газеты с просоветской ориентацией всполошились: у них в редакции орудует "контрик," какой-то Шуйский с претензиями на царский трон, и он еще опаснее Романовых. Скопина отрешили от редакторства, он пострадал за свое княжеское происхождение, но не совсем: газетная шумиха помогла ему жениться на довольно состоятельной невесте — дентистке. Журналистику он оставил и открыл собственную небольшую типографию — занятие более надежное и спокойное.

На этом своем посту, за печатным станком, а не в царских палатах, умер "отпрыск" знаменитого княжеского рода. Его сынок, тоже, кажется, типограф, чувствует себя более твердо и надежно на американской почве, нежели в отдаленной, холодной Московии с ее "коллективным руководством," распоряжающимся и кремлевскими палатами, в которых блуждают тени русских царей.

Старожил

Еленский о своей книге

В 1957 году исполнилось 50 лет со дня создания в Нью Иорке Анархического Красного Креста. Отделы Креста потом были открыты в Филадельфии, Чикаго и в Детройте. Я думаю, что некоторые старые русские эмигранты помнят какую большую роль сыграли эти организации в смысле оказания помощи арестованным и ссыльным нашим товарищам в России. Еще более известна роль, выпавшая на долю Фонда Помощи Имени А. Беркмана, — этого преемника и продолжателя работы Анархического Красного Креста. Но я думаю, что мало кому известна та кропотливая работа, которая велась внутри этих организаций на протяжении 50 лет. С этой целью я и приступил — года два тому назад — к составлению чего-то вроде сводки, охватывающей всю деятельность этих организаций. И в результате — получилась небольшая книга. Из прилагаемого ниже содержания товарищи смогут ознакомиться, что собой представляет эта книга.

Работа по составлению книги уже закончена; текст проредактирован Дж. Вудкоком, хорошо знающим английский язык. Некоторые организации и отдельные товарищи уже откликнулись на мое обращение присылкой некоторой суммы денег на издание книги. Но этой суммы еще недостаточно. Я надеюсь, что читатели "ДТП" тоже поспешат на помощь. Книга окажется хорошим памятником. По ней будущий историк будет судить о нашей деятельности. (Думаем, что тов. Еленский имеет полное основание надеяться на помощь со стороны читателей "ДТП." Книга, действительно, окажется хорошим памятником. — **Ред. Кол.**) Пожертвования можно направлять по адресу журнала "ДТП."

Содержание книги: Краткий обзор революц. движения в России с 1825 года; отношение с-д к анархистам в русских тюрьмах; организация Анархического Красного Креста заграницей; русская революция 1917 г. — освобождение политических заключенных — ликвидирование АКК; новые аресты (большевиками) — возобновление деятельности АКК заграницей под названием: Анархического Черного Креста; воззвание А. Беркмана, Э. Гольдман и А. Шапиро — открытие АЧК в Нью Иорке (1922), в Чикаго (1923); работа Фонда помощи имени А. Беркмана; вторая мировая война — попытка спасти некоторых товарищей из Франции перед нашествием гитлеровцев; после войны — работа совместно с Еврейской Федерацией; обещания Еврейской Федерации остаются лишь обещаниями; документы; заключение.

Б. Еленский

БИБЛИОГРАФИЯ

КОГАН, ДЖ. "В ПОИСКАХ РАЯ." (По-английски). Изд. Сонрайз Хистори Поблишинг Комитти. Нью Иорк. 1957.

В этой книге описана история кратковременного существования в шт. Мичиган земледельческой колонии "Сонрайз" (Восход солнца).

Одним из главных факторов, способствовавших созданию колонии "Сонрайз," явилась хуверовская депрессия, больно ударившая по карманам не только рабочих, но и мелких (а иногда и крупных) предпринимателей. Как утопающий хватается за соломинку, так и эти выброшенные депрессией на мель люди ухватились за колонию. Там они расчитывали найти если не все, то по крайней мере часть того, что потеряли.

Не трудно представить домашний уклад жизни предпринимателя. Даже если он мелкий предприниматель, то дом его если и не дворец, то во всяком случае — полная чаша. Все есть: ковры, мебель, шторы и т. д. Заботы хозяйки дома сводятся преимущественно к отдаче приказаний прислуге. Мыслимо ли, чтобы эта женщина вместе с своим мужем, тоже привыкшим к отдаче приказаний, могли жить в деревянной лачужке, состоящей из одной комнаты, где не только ковров, мягких диванов и центрального отопления, но даже воды и уборной нет внутри? Конечно, немыслимо. Правда, не вся колония состояла из бывших предпринимателей. Были там обыкновенные рабочие (даже их было большинство), были работники умственного труда, были идеалисты и т. д. Но... известно, что одна плохая овца иногда может все стадо испаскудить. Своего Хрущева, специализировавшегося в хватании паршивых овец за хвост и выбрасывании их на солнце, в колонии не было, поэтому микроб недовольства продолжал расти и множиться. Одни недовольствовались одним, другие — другим. Начались ссоры, раздоры и даже кулачные схватки. Финансовая сторона тоже хромала, но финансовую сторону при общем желании можно было бы исправить. Но вот этого то желания, этого самого главного как раз и не было.

Кроме раздоров, быстрому распаду колонии в значительной мере способствовало то обстоятельство, что значительная часть колонистов раньше земледельцами не была. Это были в большинстве случаев портные или же специалисты других городских профессий. Фармерский труд был им чужд, непривычен и, конечно, отталкивающ. Вот почему так быстро наступило разочарование. К тому же пошли слухи, что в результате рузвельтовских реформ дела в городах начали поправляться. Стало быть — назад, назад, в город!

С принципиальной точки зрения, колония "Сонрайз" заслуживает серьезной критики, но в данном случае принципиальной стороны впороса мы не касаемся, а лишь отмечаем главные, по нашему мнению, причины безвременного отцветения колонии.

Следует сказать хотя бы несколько слов об авторе книги. Джозеп Коган родился и вырос в минской губ. (в местечке Мир). Военную службу отслужил артиллеристом в крепости г. Гродно. В Соед. Штаты прибыл в начале этого столетия. Значительную часть своей жизни посвятил работе в безвластнических рядах. Одно время занимал должность редактора в еврейской анархической газете, на страницах которой и начал кампанию за создание земледельческой колонии. Кроме отмечаемой здесь книги, написал несколько других трудов, из которых особенно выделяются воспоминания (к сожалению, незаконченные). "В поисках рая" — посмертное издание. Коган умер в 1953 г., книга же вышла в 1957 г. **К.**

М. БОЙКОВ: "ЛЮДИ СОВ. ТЮРЬМЫ." Два тома. Изд. "Сеятель." Буэнос Айрес. Ц. $3.25 за том.

Огромный 2-х томный труд М. Бойкова (около 800 стр.) следует отнести к тому разряду литературы, который в Америке принято называть "фикшен," т. е. рассказы. Темой своих рассказов Бойков избрал сов. тюремный быт. Ничего предосудительного тут нет. Если можно писать рассказы из обыкновенного быта, то можно и из тюремного. Беда лишь в том, что Бойков в нескольких местах своего огромного труда настойчиво твердит, что все, что он пишет — действительность. Этому трудно поверить. И не потому, чтобы действительность была краше. Нет. Светлого тюремного быта нигде нет. Все тюрьмы — жестокость. Советские же — тем более. Невероятной кажется не жестокость советских тюрем, а те сценки, которые Бойков передает. Таких сценок в тюрьме не может быть. Они могут родиться только в воображении автора.

Не все, конечно, Бойков выдумывает. Есть у него и действительность. Но все же выдуманного больше, чем действительности. Следует, впрочем, сказать, что и выдуманное представляет известный интерес. Как рассказчик Бойков — мастер своего дела. Сюжетов у него из тюремного быта — хоть отбавляй. Чуть-ли не на каждой странице — новый рассказ. Герои самые разнохарактерные, но, странное дело, большинство героев — бывшие чекисты. Чуть-ли не каждый следователь и энкаведист, под пером Бойкова, в конце концов, превращается в тюремного узника, терпящего оскорбления и побои, вплоть до лишения жизни, не только от тюремного начальства, но и от сокамерников. Уже одно это делает рассказы Бойкова неправдоподобными. **К.**

ВЫШЛА 52-я КНИГА "НОВОГО ЖУРНАЛА" под редакцией М. М. Карповича. Содержание: **А. Кашин** — Из племени Хан. **Н. Ульянов** — Педро Иванович. СТИХИ: **А. Величковского, Г. Евангулова, О. Ильянского, Д. Кленовского, И. Одоевцевой, Н. Туроверова, И. Чиннова, М. Дороганова, Ю. Трубецкого, Б. В. Савинкова.** ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССВО: **Г. Адамович** — Георгий Иванов. **Н. Кодрянская** — Ремизов о самом себе. **В. Седуро** — Достоевский как создатель полифонического романа. **М. Слоним** — Роман Пастернака. Воспоминания и документи, и т. д.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ЮНГСТОН, Огайо: Долго пришлось ждать пока получился № 54 "ДТП," но зато ожидания наши были вознаграждены тем, что журнал оказался весьма интересным и содержательным. Жаль только, что в нем отсутствуют статьи конструктивного характера. Хотя бы одна такая статья. Но, повторяем, даже без таких статей журнал заслуживает того, что бы его внимательно прочесть и беречь в архиве как исторический документ: в нем много исторических данных. **С. М.**

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Па.: Наш город когда то был чуть-ли не центром безвластнического движения. Даже журнал одно время здесь издавался. А теперь... стыдно даже говорить. Некоторые бывшие "орлы" превратились в самую незавидную курицу. Одни пошли в коммерцию, другие — в церковь, третьи — к большевикам, а четвертые просто опустили крылья. Несколько номеров "ДТП" — и то трудно продать. И все это от того, что наше движение, бурлившее и клокотавшее когда то, носило стихийный характер. Мы носились на поверхности волн; никаких корней у нас не было. Подул небольшой неблагоприятный для нас ветерок и наши герои, как подкошенная трава, повалились — кто в какую сторону. **Я. Т.**

МОНТРЕАЛ: По моему мнению, мы больше всего в настоящее время нуждаемся в хорошем лекторе. Если бы у нас был хороший лектор — все было бы иначе. Я сужу по себе. Когда то я пьянствовал, играл в карты, вел распустную жизнь. Но вот однажды случайно попал на лекцию, где лектор ясно и толково говорил о вреде пьянства. С тех пор я стал другим человеком. Я уверен, что и теперь хорошая лекция многих отрезвила бы. Нужен также толковый разбор всевозможных сказок, именуемых библией. Но больше всего нам нужен детальный анализ капитализма, как частного, так и государственного. Почему это у одних всякого добра больше чем надо, а у других нехватает даже самого насущного? Это неравенство считается "законным" не только в буржуазных странах, но и в "социалистическом отечестве," т. е. в СССР. Там тоже одни получают 270 руб. в месяц, а другие — 7,000 рублей. Одним старикам выплачивают пенсию 150 рублей в месяц, а другим — 1,500 рублей. Словом, как и в буржуазных странах. Все это нам нужно разоблачать.

Как и всегда, хочется сказать несколько слов и о себе. В марте месяце я отпраздновал свой 70-летний юбилей. Слезы потекли ручейком при мысли, что столько времени пришлось прожить в одиночестве, вдали от родных и знакомых. Новый диктатор, Хрущев, много говорит о необходимости сосуществования между вашингтонскими и кремлевскими властями. Но Хрущев не признает этого сосуществования между населением СССР и США. Почему бы Хрущеву не открыть границ и сказать: кто желает ехать к нам — милости просим, а кто желает выехать из СССР — с Богом Параська. Это, действительно, было бы сосуществование. Люди ехали бы сюда и туда. Возможно, что и я вернулся бы к родным. **В. Ш.**

Дорогой друг Ч. Книга Моравского "В вихре революции" мне очень понравилась. Два раза я ее прочитал и не нашел ни одной фразы, с которой можно было бы не согласиться. Автор книги, как и я, ненавидел насилие и кровопролитие и стоял за такие высокие идеалы, как любовь, мир и братство всех людей. Жаль, что Е. З. так скоро умер. Он мог бы еще много сказать. Хорошо, что нашлись люди, собрали все, что написал Е. З. и издали книгой. Получился памятник, на который будут взирать и будущие поколения.

Последний раз я видел Е. З. в Нью Иорке возле "Науки." Кто-то спросил Е. З.: "Кто нас будет охранять от хулиганов?" На это Е. З. ответил: "Так как я ни на кого не собираюсь нападать, то и на меня никто не станет нападать. Для чего же защита?" После этого я уехал в Норт Дакоту и больше не пришлось встретиться с Е. З. **А. Д.**

ПАРИЖ: Жаль, что "ДТП" так редко выходит. Других изданий, затемняющих и засоряющих сознание человека, хоть отбавляй, а хорошего журнала или газеты трудно найти. Но от этого хорошее становится еще более хорошим. Лепешки библейской женщины, положенные на жертвенник, казались по сравнению с другими обильными дарами — весьма ничтожными, но в сущности они оказались самыми полноценными. Так и наш журнал: хотя редко выходит, но он значительнее тех, которые растут как мухоморы.

Жизнь во Франции трудная. Дипломаты крутят-мутят — каждый старается пробраться к власти, а население от этого страдает. Наш общий друг, А. Ш., уехала в Израиль и до сих пор не дает о себе знать. Здорова-ли она? **В. Т.**

СТ. ЛУИС: Посылаю 20 дол. на издание журнала. (Имена жертвователей опубликованы в отчете.—РЕД.) Вместе с тем хочу сказать несколько слов по поводу раздающихся сетований, что некоторые б. тов. пошли в церковь да в кабаки. Отход от великих идей — не новость. Из истории мы знаем, что люди высокообразованные иногда разочаровывались. Чего же можно ожидать от людей полуграмотных, никогда ничего не читавших? Этим людям и разочаровываться не пришлось, ибо у них в умственном багаже ничего не было. Перекатиполе и больше ничего. Сокрушаться из-за таких людей, по моему, нет смысла. **М. Х.**

САН ФРАНЦИСКО: Спешу со своей посильной лептой на помощь нашему журналу. Последний номер "ДТП" (№ 55) — очень интересный. Даже нельзя сказать которая статья лучше,—все хорошие. Было бы желательно, чтобы все наши товарищи проявили больше усилий — журнал можно было бы сделать еще интереснее. **Н. Г.**

Протест

(Против концлагерей для детей в Болгарии)

Прикрываясь борьбой против хулиганства, болгарские большевики прибегли к драконовым мерам — открытию концлагерей для несовершеннолетних (от 7 до 18 лет), цинично названных "трудовоспитательными школами."

Причиной этого жестокого закона послужило убийство двумя юношами секретаря партячейки, в Софии в декабре 1957 г. Оба подростка были арестованы и расстреляны без суда. По словам очевидцев, убийство произошло в результате вспыхнувшего спора, перешедшего затем в драку. Но большевистским властям причины происшествия роли не играют. Им важно, что погиб секретарь партячейки, за жизнь которого теперь, помимо уже казненных двух подростков, будут отвечать тысячи юношей и девушек.

Характерно, что вину за рост хулиганства большевики сваливают на... западные страны. Оттуда, дескать, идут нездоровые веяния. Что в западных странах есть много недостатков, — об этом спорить не приходится. Но у самих большевиков этих недостатков гораздо больше, чем в западных странах. Фактически вся большевистская система покоится на уголовщине, поэтому нет ничего удивительного в том, что уголовщина порождает уголовщину. Дети быстро впитывают отрицательные стороны большевистской системы. Хулиганство—продукт хулиганской системы. В здоровом обществе хулиганства не может быть. Хулиганство—внутренняя болезнь, а не заграничная.

Мы, группа болгарских анархистов в изгнании, протестуем, как против открытия каторжных работ для малолетних, так и против искажения причин, порождающих хулиганство. Не концлагери следует противоставить хулиганству, а надлежащую систему преподавания и здоровые условия жизни. Надеемся, что к нашему протесту присоединятся и другие поборники справедливости и человечности.

Группа Болгарских Анархистов

К предстоящему Анархическому Конгрессу

Дорогие товарищи,

Дата, предвиденная для Международного Анархического Конгресса, приближается и мы находимся перед проблемой, которая требует спешного решения. Мы установили начальную дату Конгресса — **12 июля** и место его — **Париж.** В Париже мы столкнулись с серьезными трудностями с материальной стороны организации Конгресса, хотя эти трудности и не являются непреодолимыми.

В это время мы получили также предложение от Международного Анархического Центра из **Лондона,** от Анархических Групп в этом городе и от Клуба "Малатеста." Последний располагает помещением, пригодным для устройства заседаний, рестораном там же с очень скромными ценами и возможностью дать квартиры у своих членов для трех десятков заграничных делегатов.

Однако в этом случае дата открытия Конгресса должна быть отложена на **25 июля** и его продолжительность ограничена только семью днями. 1-го, 2-го и 3-го августа будет происходить "Летняя Анахическая Школа," цикл докладов, привлекающих товарищей со всей Великобритании, принять участие в которой приглашаются также и делегаты Конгресса.

Ввиду токого положения мы Вас просим дать нам спешно знать и, если возможно, обратной почтой — предпочитаете ли Вы Лондон или Париж, чтобы позволить нам своевременно принять окончательное решение. Во всяком случае, **именно в этом году,** а не в следующем, Конгресс должен состояться.

Чтобы быть готовыми к обеим возможностям, мы рекомендуем участникам запастись уже теперь необходимыми паспортами и визами для двух упомянутых стран, Франции и Англии.

Примите, дорогие товарищи, наши братские приветы

К.Р.И.А. и Комиссия по созыву Международного Конгресса

(Подпись)

Мы желаем знать Ваше мнение относительно Анархического Международного Конгресса. Мы просим Вас принять в нем участие — будь то через своих делегатов, будь то в письменном виде.

Пишите по адресу:

Madame A. Rodrigrez
4 Passage K
Paris 19e, France

Помощь журналу

Детроит, Мич. Ув. товарищи. Высылаем вам 106 долларов. Из них 18 дол. за журнал № 55, а остальные 88 дол. — добровольные пожертвования. Жертвовали следующие товарищи: Т. Шумович 10 дол., И. Черный 10 дол., И. Панасевич 5 дол., К. О. 5 дол., С. Гурин 1 дол. и И. Сивко 1 дол. Получено от товарищей из других городов: **Балтиморе:** От жены покойного Павла Жука (А. Выщинского) 6 дол. за проданные нумера журнала и 5 дол. в фонд журнала. **Сан Франциско:** Н. Г. 10 дол. **Юнгстон:** К. Семенос 5 дол. **Майями:** А. и Ф. Коваленко 5 дол. **Ст. Луис:** Бездомный 10 дол., И. Я. 10 дол., М. Радивончик 5 дол. **Монтреал, Канада:** Резанович 5 дол. **Пыкскил:** Богин 3 дол. **Нью Иорк:** И. Аронстам 10 дол., группа г. Нью Иорка 10 дол. **Чикаго:** Ольга Максимова 5 дол., И. Волков 9 дол. **Абердин, С. Дакота:** Р—кий 2 дол. **Нью Гевен:** Яруб 1 д. 25 с. **Маплевуд, Н. Дж.:** Бо—ко 1 дол. **Торонто, Канада:** Ша—н 5 дол. **Флошинг, Н. И.:** Ка—дюк 5 дол.

Всем жертвователям — большое спасибо. Вместе с тем доводим до сведения всех товарищей, что в архиве Профсоюза уже долгое время лежит рукопись Л. Липоткина "Русское Анархическое движение в Америке." Автор рукописи затратил много сил и времени на ее составление. Было бы весьма желательно, чтобы рукопись эта

Умер И. Самусин

10-го мая с. г. в окрестностях Нью Иорка скончался И. П. САМУСИН, десятки лет посвятивший идейной и культурно-просветительной работе. В следующем номере "ДТП" будет подробно рассказано о жизни и деятельности т. Самусина.

увидела свет в следующем, 1959 году, когда автору исполнится 70 лет.

Как известно, русское анархическое движение в США когда то било через край. Были многолюдные организации, обширные библиотеки, школы, кооперативы и т. п. Издавались газеты, журналы, книги... Оказывалась помощ всем нуждавшимся. Все это собрано в книге т. Липоткина. Нечего и говорить, что книга эта, как исторический памятник, весьма ценна и что ее появление в свет более чем желательно. Интересующиеся этим могут писать в журнал или же непосредственно Профсоюзу.

Профсоюз

К ЧИТАТЕЛЯМ

Товарищи! Дороговизна коснулась и издательского дела. Стоимость печатания книг, журналов и т. п. возросла в несколько раз. Издание идейного органа, неимеющего на своих страницах коммерческих объявлений, и раньше считалась трудной задачей; теперь же эта задача — почти невыполнима. И если "ДТП," несмотря на эти трудности, продолжает время от времени появляться в свет, то — исключительно благодаря жертвенности некоторых отдельных лиц, дающих по 20 — а то и больше — долларов а также благодаря благоразумному поступку одного старого нашего друга, завещавшего свои сбережения на идейное дело.

Двадцать долларов для рабочего человека — большие деньги. Отпустить такую сумму, хотя бы и на хорошее дело, не всякий решится. Однако, эта кажущаяся большая сумма в сущности — пылинка по сравнению с теми суммами, которые иногда из-за нашей халатности попадают в руки властей. Мы все знаем, что стоим на последних ступенях жизненной лестницы. Знаем также, что после смерти человека его сбережения, если нет завещания, идут в штатную казну. И тем не менее, зная все это, никаких предохранительных мер не предпринимаем. Едва ли стоит напоминать о тех случаях, когда 10-15 тысяч долларов после смерти наших товарищей переливались в казначейство. Случаи эти — общеизвестны, памятны почти каждому из нас. Что было бы, если бы деньги эти по завещанию перешли на идейное дело? Журнал наш, даже при дороговизне, мог бы выходить чуть ли не ежемесячно. Отсюда вывод: лучше "выбросить" даже кажущуюся большую сумму на издание журнала, вместо того, чтобы эта сумма пошла в штатную казну; а еще лучше — завещать свои трудовые сбережения на такую цель, на какую подсказывает нам наша совесть.

Ред. Кол.

ПЕРИОДИКА
БЕЗВЛАСТНИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

"FREEDOM"
Еженед. газета на английском языке. Адрес:
Freedom Press
27 Red Lion Street London W. C. 1, England

"UNIVERSITY LIBERTARIAN"
Периодич. журнал издающ. молодежью. Адрес:
13 Bannerman Ave.
Prestwich, Manchester, England

"LE REVEIL ANARCHISTE—
IL RISVEGLO ANARCHICO"
Ежемес. журнал на француз. и итальян. яз. Адрес:
44 Eaux—Vives Geneva, Switzerland

"VIEWS AND COMMENTS"
Периодич. орган, выходящ. в Нью Иорке.
Почт. Адрес:
P. O. Box 261, Cooper Sta. New York 3, N. Y.

"НАШ ПУТЬ"
Анархич. орган на болгарском языке. Адрес:
M. Marcel Kouroriez
36, Rue Poliveau Paris (5), France

"ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ"
Анархический орган на японском языке. Адрес:
"LA NIGRA FLAGO"
T. Soejima
1-26 Nisisinmachi Hukuoka, Japan

"CATHOLIC WORKER"
Орган христианских анархистов (католиков)
223 Chrystie St. New York 2, N. Y.

"LIBERATION"
Ежемес. журнал, близк. к анархизму. Адрес:
110 Christopher St. New York 14, N. Y.

"GERMINAL"
Журнал на итальянск. языке. Адрес:
Tomasini Umberto
Via Mazzini 39 Trieste, Italy

"VOLUNTAD"
Газета на испанском языке. Адрес:
Casilla Correo 637 Montevideo, Uruguay

"SOLIDARIDAD OBRERA"
Орган испанск. анарх. в изгнании. Адрес:
24 Rue Sainte-Marthe Paris X, France

"FREIE ARBEITER STIMME"
2-х недельн. газета на еврейском языке. Адрес:
33 Union Square New York 3, N. Y.